

После тебя

ДЖОДЖО МОЙЕС

Когда одна история заканчивается, начинается другая.

«После тебя» — потрясающее продолжение романа
«До встречи с тобой».

People Magazine

Annotation

Что ты будешь делать, потеряв любимого человека? Стоит ли жить после этого?

Теперь Лу Кларк не просто обычная девчонка, живущая обыденной жизнью. Шесть месяцев, проведенных с Уиллом Трейнором, навсегда изменили ее. Непредвиденные обстоятельства заставляют Лу вернуться домой к своей семье, и она поневоле чувствует, что ей придется все начинать сначала.

Раны телесные залечены, а вот душа страдает, ищет исцеления! И это исцеление ей дают члены группы психологической поддержки, предлагая разделить с ними радости, печали и ужасно невкусное печенье. Благодаря им она знакомится с Сэмом Филдингом, врачом «скорой помощи», сильным человеком, который знает о жизни и смерти все. Сэм оказывается единственным, кто способен понять Лу Кларк. Но сможет ли Лу найти в себе силы вновь полюбить?..

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

После тебя

Jojo Moyes
AFTER YOU

Copyright © Jojo's Mojo Limited, 2015

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© О. Александрова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается моей бабушке Бетти Макки

Глава 1

Здоровяк в дальнем углу бара обливается потом. Он сидит, низко склонившись над стаканом с двойным виски, и то и дело оглядывается на дверь. В безжалостном электрическом свете его покрытое испариной лицо влажно блестит. Он маскирует прерывистое дыхание тяжелыми вздохами и снова возвращается к своему напитку.

– Эй, можно вас?

Я поднимаю глаза от бокала, который старательно вытираю.

– Нельзя ли повторить?

Мне хочется сказать ему, что это не самая хорошая идея и выпивка вряд ли поможет. От нее будет только хуже. Но он крупный парень, до закрытия осталось пятнадцать минут, и по правилам нашей компании я не могу отказать клиенту. Поэтому я подхожу к нему, забираю его стакан и подношу к глазам. Он кивает на бутылку.

– Двойной, – говорит он, смахивая мясистой рукой пот с лица.

– Семь фунтов двадцать пенсов, пожалуйста.

Вечер вторника, без четверти одиннадцать, место действия – ирландский тематический паб в аэропорту Лондон-Сити под названием «Шемрок и кловер», который имеет такое же отношение к Ирландии, как Махатма Ганди. Бар закрывается через десять минут после отправления последнего самолета, и на данный момент, кроме меня, здесь только серьезный молодой человек с ноутбуком, две веселые дамочки за столиком номер два и мужик с двойным «Джемисоном» – пассажиры задерживающихся на сорок минут рейсов SC 107 на Стокгольм и DB 224 на Мюнхен.

Я на боевом посту начиная с полудня, так как у моей сменщицы Карли прихватило живот и она отпросилась домой. Вообще-то, я не против. Я спокойно задерживаюсь допоздна. Тихонько мурлыча себе под нос мелодию из «Кельтских свирелей Изумрудного острова», выпуск третий, я подхожу к столику номер два забрать стаканы у женщин, рассматривающих подборку фото на телефоне. Судя по несдержанному смеху, обе под хорошим градусом.

– Моя внучка. Пять дней от роду, – сообщает мне высокая блондинка, когда я наклоняюсь за ее стаканом.

– Прелесть, – улыбаюсь я.

Все младенцы для меня на одно лицо.

– Она живет в Швеции. Я там еще ни разу не была. Как-никак, но все же надо повидаться со своей первой внучкой, а?

– Мы обмываем ножки малышки. – (Очередной взрыв хохота.) – Может, выпьете с нами за ее здоровье? Ну давайте же! Расслабьтесь хоть на пять минут. Вдвоем нам эту бутылку ни за что не осилить.

– Упс! Нам пора! Пошли, Дор.

Увидев сообщение на табло, они собирают пожитки и нетвердой походкой, что заметно, наверное, только мне, направляются к выходу.

Я убираю их стаканы на барную стойку и зорко оглядываю зал в поисках грязной посуды.

– Неужели вам никогда не хотелось? – Женщина, что пониже, оказывается, вернулась за паспортом.

– Простите?

– После окончания смены пройти вместе со всеми на посадку. Сесть на самолет. Мне бы точно хотелось. – Она снова смеется. – Каждый чертов день, будь он неладен!

Я отвечаю им профессиональной улыбкой, способной скрыть что угодно, и поворачиваюсь к барной стойке.

А вокруг уже всюю закрываются на ночь магазины беспопшинной торговли, опускаются стальные жалюзи, пряча от посторонних глаз дорогушие сумки и шоколадки «Тоблерон» для экстренных подарков. Мерцают и потихоньку гаснут огни у выходов 3, 5 и 11, направляющих в ночное небо последних путешественников. Конголезка Вайолет, местная уборщица, слегка раскачиваясь при ходьбе и поскрипывая резиновыми подошвами туфель, толкает мне навстречу по сияющему линолеуму свою тележку.

– Вечер добрый, дорогуша.

– Вечер добрый, Вайолет.

– Милочка, не дело засиживаться здесь допоздна. Тебе надо быть дома рядом с теми, кого любишь, – каждый раз слово в слово повторяет она.

– Да нет, сейчас не так уж и поздно, – каждый раз слово в слово отвечаю я.

Она одобрительно кивает и катит тележку дальше.

Серьезный Молодой Человек с Ноутбуком и Потный Любитель Скотча ушли. Я заканчиваю со стаканами и закрываю кассу, дважды пересчитывая деньги, чтобы наличность в кассе совпала с пробитыми чеками. Я делаю пометки в гроссбухе, проверяю пивные насосы, отмечаю продукты, требующие дозаказа. И тут неожиданно обнаруживаю куртку толстяка на барном стуле. Подхожу поближе и поднимаю глаза на монитор. Ага, вот-вот начнется посадка на рейс до Мюнхена, если я, конечно, готова бежать за владельцем куртки. Я снова смотрю на монитор и медленно подхожу к мужскому туалету.

– Эй! Есть кто-нибудь?

Голос, что слышится в ответ, слегка задушенный, с истерическими нотками. Толстяк, низко склонившись над раковиной, плещет себе в лицо водой. Вид у него – краше в гроб кладут.

– Что, уже объявили посадку на мой рейс?

– Посадка только начинается. У вас еще в запасе пара минут.

Я собираюсь уходить, но что-то меня останавливает. Мужчина буравит меня горящими от волнения бусинками глаз. Затем качает головой.

– Нет, я не могу это сделать, – говорит он, хватая бумажное полотенце и вытирает лицо. – Не могу подняться на борт самолета. – (Я терпеливо жду.) – Мне надо лететь на встречу с новым боссом, а я не могу. И я не решился сказать ему, что боюсь самолетов. – Он покачал головой. – Ужасно боюсь.

Я закрыла за собой дверь.

– А в чем заключается ваша новая работа?

– Э-э-э... – моргает он. – Автозапчасти. Я новый старший менеджер по запчастям для тормозов в «Хант моторс».

– Похоже, классная работа. Значит, у вас есть... тормоза.

– Я уже давно в этом деле. – Он с усилием сглатывает. – Вот почему я не хочу сгореть в огненном шаре. Я реально не хочу сгореть в парящем в воздухе огненном шаре.

Меня так и подмывает сообщить ему, что это будет скорее падающий, нежели парящий

в воздухе огненный шар, но я вовремя прикусываю язык. Он снова споласкивает водой лицо, и я подаю ему еще одно бумажное полотенце.

– Благодарю. – Он опять прерывисто вздыхает и выпрямляется, явно пытаюсь взять себя в руки. – Спорим, вам еще не доводилось видеть, чтобы взрослый мужик вел себя как форменный идиот, да?

– По четыре раза на дню. – (Его крошечные глазки становятся совсем круглыми.) – По четыре раза на дню мне приходится выуживать кого-нибудь из мужского туалета. А причина у всех одна: боязнь летать. – (Он удивленно моргает.) – Но, видите ли, как я не устаю повторять, ни один самолет, вылетевший из этого аэропорта, еще ни разу не потерпел крушения.

От неожиданности мужчина даже втягивает шею в воротничок рубашки.

– Да неужели?

– Ни один.

– И даже никакой... самой маленькой аварии на взлетной полосе?

Я решительно качаю головой:

– На самом деле здесь тоска зеленая. Люди улетают по своим делам и через пару дней возвращаются. – Я спиной пытаюсь открыть дверь. К вечеру в этих уборных запашок ой-ей-ей. – Да и вообще, лично я считаю, что с вами могут случиться вещи и похуже этого.

– Ну, полагаю, вы правы. – Он обдумывает мои слова и осторожно косится на меня. – Значит, четыре раза на дню, так?

– Иногда даже чаще. А теперь, с вашего позволения, мне действительно пора назад. А то, не дай бог, решат, будто я что-то зачастила в мужскую уборную. – (Он улыбается, и я вижу, каким он может быть при других обстоятельствах. Энергичный человек. Жизнерадостный человек. Человек, отлично руководящий поставками импортных автозапчастей.) – Знаете, мне кажется, уже объявили посадку на ваш рейс.

– Так вы считаете, со мной все будет в порядке.

– С вами все будет в порядке. Это очень безопасная авиалиния. Считайте, что вы просто вычеркнули из жизни пару часов. Смотрите, SK 491 приземлился пять минут назад. И когда вы пойдете к нужному вам выходу, то непременно встретите стюардов и стюардесс с прибывшего борта. Вот увидите, они будут беззаботно смеяться и болтать, ведь для них полет на самолете – все равно что поездка на автобусе. Некоторые из них делают по два, три, четыре рейса в день. Они ведь не полные идиоты. Если бы было небезопасно, стали бы они рисковать, а?

– Все равно что поездка на автобусе, – повторяет он за мной.

– Только гораздо более безопасная.

– Это уж точно. – Он поднимает брови. – На дороге полным-полно придурков. – Я киваю, а он поправляет галстук. – И это классная работа.

– Стыд и позор, если вы упустите ее из-за такой ерунды. Главное – сделать первый шаг, а потом вы привыкнете.

– Очень может быть. Благодарю вас...

– Луиза, – подсказываю я.

– Благодарю вас, Луиза. Вы очень добрая девушка. – Он вопросительно смотрит на меня. – А как насчет того... чтобы вы согласились... как-нибудь со мной выпить?

– Я слышу, объявляют посадку на ваш рейс, сэр. – Я открываю дверь, пропуская его вперед.

Он кивает и, чтобы скрыть неловкость, с шумом хлопает себя по карманам:

– Все верно. Конечно. Ну... я пошел.

– И не забывайте о тормозах.

А буквально через две минуты после его ухода я обнаружила, что он заблевал третью кабинку.

Домой я возвращаюсь в четверть второго. Стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале лифта, я вхожу в притихшую квартиру. Переодеваюсь в пижамные штаны и толстовку с капюшоном, открываю холодильник, достаю бутылку белого вина, наливаю в бокал. Вино такое кислое, что больно губам. Изучив этикетку, я понимаю, что забыла заткнуть бутылку пробкой, но затем решаю особо не заморачиваться по этому поводу и с бокалом в руке плюхаюсь в кресло.

На каминной доске две открытки. Одна – поздравление с днем рождения от родителей. «Лучшие пожелания» от мамы для меня точно нож острый. Вторая открытка от сестры. Сестра сообщает, что собирается приехать с Томасом на уик-энд. Открытка шестимесячной давности. На автоответчике два сообщения. Одно от дантиста, другое – нет.

Привет, Луиза. Это Джаред. Мы встречались в «Грязной утке». Ну, мы с тобой тогда еще перепихнулись. (Сдавленный неловкий смешок.) Это было... ну ты понимаешь... В общем, мне понравилось. Как насчет того, чтобы повторить? У тебя есть мои координаты.

Когда в бутылке ничего не остается, я прикидываю, не сбегать ли за новой, но очень не хочется выходить из дому. Не хочется в очередной раз выслушивать шуточки Самира из круглосуточного магазинчика насчет моего пристрастия к «Пино гриджио». Да и вообще, не хочется ни с кем разговаривать. Внезапно на меня накатывает смертельная усталость, но при этом я настолько перевозбуждена, что даже если и лягу в постель, то все равно не усну. Я вдруг вспоминаю о Джареде, в частности о том, что у него странная форма ногтей. И с чего это меня вдруг стали волновать чьи-то странные ногти? Я обвожу глазами голые стены гостиной и неожиданно понимаю, что мне срочно нужно на свежий воздух. Реально нужно. Я поднимаю в коридоре окно и неуверенно карабкаюсь по пожарной лестнице на крышу.

Когда девять месяцев назад я появилась в этом доме, риелтор показал мне устроенный предыдущими жильцами террасный садик с тяжелыми кадками для растений и маленькой скамейкой.

«Естественно, официально сад не может считаться вашим, – сказал он. – Но только из вашей квартиры имеется выход на крышу. По-моему, очень даже мило. Вы даже сможете устраивать здесь вечеринки».

Растения давным-давно засохли и погибли. Что ж, я действительно не умею ухаживать за вещами. И вот я стою на крыше и смотрю на подмигивающую мне лондонскую тьму. Миллионы людей вокруг меня живут своей жизнью: едят, ссорятся и так далее. Миллионы жизней, протекающих отдельно от моей. Станный непрочный мир.

Звуки ночного города пронизывают воздух, мерцают натриевые фонари, режут моторы, хлопают двери. В нескольких милях к югу слышится отдаленный гул полицейского вертолета, обшаривающего лучом прожектора местный парк в поисках очередного негодяя. А где-то вдали воеет сирена. Вечная сирена. «Вы очень быстро почувствуете себя здесь как дома», – сказал мне тот риелтор. Я чуть было не расхохоталась ему прямо в лицо.

Как тогда, так и сейчас, город казался мне чужим и враждебным.

После секундного колебания я ступаю на карниз, раскинув в сторону руки, как подвыпивший канатоходец. Я иду по бетонному выступу шагом «пятка к носку», а легкий ветерок щекочет волоски на руках. Переехав в эту квартиру, я в трудные минуты жизни иногда решалась пройти по карнизу вдоль всей квартиры. И в конечной точке громко смеялась, глядя в ночное небо. *Вот видишь? Я здесь – по-прежнему живая – прямо на краю. Я делаю то, что ты мне велел!*

Это стало моей тайной привычкой. Я, небесная линия города, уютный покров темноты, абсолютная анонимность и осознание того, что здесь никто не знает, кто я такая. Я поднимаю голову, ветер овеивает лицо, внизу слышится чей-то смех, потом – звук разбившейся бутылки, по дороге змеится вереница машин, бесконечная красная лента габаритных огней, похожая на поток крови. Здесь всегда плотное движение, не говоря уже о шуме и суете. Единственные более-менее спокойные часы – наверное, с трех до пяти утра, когда все пьяные уже завалились в кровать, повара из ресторанов сняли белые фартуки, а в пабах заперли двери. Тишину этих предрассветных часов время от времени нарушает шум проезжающих мимо автоцистерн, открывающейся на заре еврейской булочной дальше по улице и фургончиков развозчиков газет, которые бросают толстые кипы на тротуар. Я в курсе всех малейших движений города, потому что в этот час я не сплю.

Ну а пока город еще гудит. В «Белой лошади» гуляют засидевшиеся после закрытия хипстеры и жители Ист-Энда, кто-то громко ссорится на улице, а на другом конце Лондона городская больница общего профиля принимает больных, раненых и тех, кто с трудом продержался до утра. Но здесь, наверху, есть только воздух и темнота, и где-то высоко в небе совершает рейс Лондон – Пекин грузовой самолет службы «Федекс», а миллионы путешественников вроде мистера Любителя Скотча летят навстречу неизвестности.

– Восемнадцать месяцев. Целых восемнадцать месяцев. Так когда же все это закончится? – бросаю я в темноту. Ну вот, началось. Я чувствую, как во мне снова мутной волной вскипает непрощенная злость. Делаю пару шагов вперед, глядя себе под ноги. – Потому что это не похоже на жизнь. Это вообще ни на что не похоже. – Два шага. Еще два. Сегодня я дойду до угла. – Ты не дал мне чертовой новой жизни, разве не так? Конечно нет. Ты только сломал мою прежнюю жизнь. Разломал на мелкие кусочки. И что мне теперь делать с тем, что осталось? Когда я начну чувствовать... – Я раскидываю руки, покрытые от холодного воздуха мурашками, и понимаю, что снова начинаю плакать. – Будь ты проклят, Уилл! Будь ты проклят за то, что покинул меня!

Тоска накатывает приливной волной. Мощной, всепоглощающей. И когда я уже готова погрузиться в нее с головой, внезапно мне слышится чей-то голос:

– Не думаю, что вам следует тут стоять.

Я поворачиваюсь и вижу у пожарного выхода чье-то бледное личико, распахнутые темные глаза. От неожиданности я теряю равновесие, нога соскальзывает с карниза, тело всей тяжестью кренился в опасную сторону. Сердце падает куда-то вниз, а за ним – и я сама. И потом, точно в ночном кошмаре, я, совсем невесомая, лечу в темную пропасть ночи, ноги оказываются выше головы, я слышу пронзительный крик, возможно, свой собственный...

Треск...

И чернота.

– Как тебя зовут, милая?

На шею фиксирующий воротник.

Чья-то рука осторожно ощупывает мою несчастную голову.

Я жива. Что на самом деле крайне удивительно.

– Вот так-то. Откройте глаза. А теперь посмотрите на меня. Посмотрите на меня.

Вы можете назвать свое имя?

Я пытаюсь говорить, открыть рот, но мой голос получается каким-то сдавленным и абсолютно неразборчивым. Наверное, я прикусила язык. Во рту у меня кровь, теплая, с металлическим привкусом. Я не в состоянии пошевелиться.

– Мы сейчас положим вас на специальную доску, хорошо? Будет немножко неудобно, но я вколю вам морфин, чтобы было легче переносить боль.

Голос мужчины звучит спокойно, словно нет ничего ненормального в том, что я лежу, как сломанная кукла, на холодном бетоне, устремив глаза в сумрачное небо. Мне хочется смеяться. Хочется объяснить им, какая нелепица, что я лежу здесь. Но я всего-навсего очередная понтырщица в пижамных штанах, у которой все, кажется, пошло наперекосяк.

Лицо мужчины исчезает из поля зрения. Надо мной склоняется женщина в светоотражающей куртке, кудрявые темные волосы затянуты в хвост. Женщина направляет тонкий луч фонарика прямо мне в глаза и смотрит на меня с таким бесстрастным интересом, словно я не человек, а неизвестная науке особь.

– Мы можем ее увозить?

Я хочу что-то сказать, но меня отвлекает боль в ногах. Господи, говорю я, но не уверена, что произношу это вслух.

– Зрачки в норме и реагируют. Давление в норме, пульс девяносто при норме шестьдесят. Ей повезло, что она упала на тот тент. Интересно, насколько велики шансы приземлиться на шезлонг?.. Хотя мне не нравятся ушибы. – (Поток холодного воздуха на талии, легкое прикосновение прохладных пальцев...) – Внутреннее кровотечение?

– Нужна вторая бригада?

– Не могли бы вы немного отойти, сэр? Чуть-чуть назад?

Мужской голос:

– Я вышел перекурить, и она шлепнулась прямо на мой чертов балкон. Еще немножко – и свалилась бы на мою чертову голову.

– Значит, вам крупно повезло. А вот ей нет.

– Я до сих пор не могу оправиться от потрясения. Не так уж часто прямо с чертова неба на вас падают люди. Посмотрите на мое кресло. Я купил его за восемьсот фунтов в магазине у Конрана... Как думаете, я могу предъявить за него иск?

Короткая пауза.

– Как вам будет угодно, сэр. Я вам вот что скажу. Вы можете выставить ей счет за то, что пришлось отмывать ваш балкон от крови. И как вам такая идея?

Медик переводит глаза на коллегу. Похоже на путешествие во времени, у меня такое уже было. Я что, упала с крыши? Очень холодно лицу, и я понимаю, что меня трясет от озноба.

– Сэм, у нее начинается шок...

Где-то внизу отъезжает дверца фургона. Булочник? А затем доска подо мной начинает

двигаться, и сразу же – больно, больно, больно! – все погружается во тьму.

Вой сирены и синий вихрь. Ох уж эти вечные лондонские сирены! Мы движемся. Отблески неоновом света проникают в автомобиль «скорой помощи», исчезают и снова появляются, освещая неожиданно забитый салон и мужчину в зеленой униформе, который, введя какую-то информацию в телефон, начинает поправлять капельницу над моей головой. Боль уменьшилась – морфин? – но после восстановления мыслительных способностей на меня накатывает дикий ужас. Внутри медленно раздувается гигантская подушка безопасности, блокируя все остальное.

– Простите?

Мужчина сидит, упершись в стенку салона, и слышит меня только со второго раза. Он поворачивается и склоняется надо мной. От него пахнет лимоном, и он как-то неровно выбрит.

– У вас там все хорошо?

– Я это...

Мужчина наклоняется пониже:

– Простите. Из-за этой сирены ничего не слышно. Мы уже скоро будем в больнице. – Он накрывает мою руку своей, сухой и теплой, что действует успокаивающе. И внезапно мне становится страшно, что он захочет убрать руку. – Держитесь. Донна, какое у нас расчетное время прибытия?

Я не могу говорить. Язык распух и не помещается во рту. Мысли расплываются и путаются. Интересно, а я шевелила руками, когда меня переносили в машину? Вроде бы я поднимала правую руку, так?

– Я это парализована? – спрашиваю я шелестящим шепотом.

– Что? – Он практически прижимается ухом к моему лицу.

– Парализована? Я это парализована?

– Парализована? – Мужчина секунду колеблется, продолжая пристально меня изучать, затем поворачивается и переводит взгляд на мои ноги. – Вы можете пошевелить пальцами ног?

Я пытаюсь вспомнить, как правильно двигать ногой. Получается не сразу. Похоже, для этого нужно сосредоточиться сильнее обычного. Тогда медик наклоняется и слегка касается пальцев ноги, словно желая напомнить мне, где они находятся.

– Попробуйте еще раз. Вот так.

И сразу же обе ноги пронизывает жуткая боль. Судорожный вздох, скорее всхлип. Мой.

– Вы в порядке. Боль – это хорошо. Ручаться, конечно, не могу, но не думаю, что у вас задет позвоночник. Вы повредили бедро, ну и еще кое-что. – Его глаза прикованы к моим. Глаза у него добрые. Кажется, он понимает, как мне нужны слова ободрения. Его рука по-прежнему лежит поверх моей. Я никогда еще так сильно не нуждалась в тепле простого человеческого прикосновения. – Правда. Я практически уверен, что вы не парализованы.

– О, злала бозу, – словно издали слышу я свой голос. Глаза наполняются слезами. – Пожалуйста, не опустите бенья.

Он придвигает лицо совсем близко к моему:

– Я вас не отпущу.

И я хочу что-то сказать, но его лицо расплывается, и меня снова окутывает чернота.

Уже после мне рассказали, что я, пролетев вниз два этажа из пяти, закончила свой полет сперва на натянутом над балконом тенте, а затем – на плетеном шезлонге с водонепроницаемыми подушками, принадлежащем мистеру Энтони Гардинеру, адвокату в области авторских прав и моему соседу, с которым я ни разу не встречалась. Я сломала бедро, два ребра и ключицу. А еще два пальца на левой руке и плюсневую кость, которая проткнула кожу и торчала прямо из ноги, напугав до обморока одного из студентов-медиков. Мои рентгеновские снимки завораживают врачей. У меня в ушах до сих пор стоят слова пользовавшего меня парамедика: «Никогда не знаешь, что может случиться, когда упадешь с большой высоты». Да, мне явно здорово повезло. Они твердят мне это и ждут, улыбаясь, что я, наверное, отвечу им такой же широкой улыбкой или, возможно, даже на радостях исполню чечетку. Но я не чувствую себя везучей. Я вообще ничего не чувствую. Я дремлю и просыпаюсь, когда над головой вспыхивают ослепительные огни операционной, а затем снова оказываюсь в тиши палаты. Лицо медсестры. Обрывки разговоров.

Ты видела, какую грязь развела старуха из палаты D4?

Ты ведь работаешь в больнице Принцессы Елизаветы, да? Можешь передать им, что мы знаем, как управлять отделением неотложной помощи. Ха-ха-ха-ха-ха!

А теперь, Луиза, отдыхай. Мы обо всем позаботимся. Просто отдыхай.

От морфина хочется спать. Они увеличивают мне дозу, и я радуюсь прохладной струйке забвения.

Я открываю глаза и вижу в ногах кровати маму.

– Она проснулась. Бернارد, она проснулась. Как думаешь, нам позвать медсестру?

Она изменила цвет волос, отстраненно думаю я. А затем: ой! это же мама. Но ведь мама со мной не разговаривает.

– О, слава богу! Слава богу! – Мама дотрагивается до крестика на шее. Этот жест мне о ком-то напоминает, но вот о ком – я не знаю. Она легонько гладит меня по щеке. И по какой-то непонятной причине глаза у меня тотчас же наполняются слезами. – О моя маленькая девочка! – Она наклоняется ко мне всем телом, словно желая заслонить от грядущих опасностей. Я чувствую до боли знакомый запах ее духов. – О Лу! – Она вытирает мне слезы бумажным платком. Я не в силах пошевелить рукой. – Когда мне позвонили, я до смерти испугалась. Тебе очень больно? Ты что-нибудь хочешь? Что я могу для тебя сделать? – Она так тараторит, что я не успеваю вставить ни слова. – Мы сразу приехали, как только узнали. Трина присматривает за дедушкой. Он посылает тебе привет. Он типа просто издает какие-то звуки, ну ты понимаешь, но мы-то знаем, что он хочет сказать. О моя девочка, как, ради всего святого, ты попала в такую передрыгу? И о чем, ради всего святого, ты только думала? – Похоже, она вовсе не ждет от меня ответа. Все, что мне надо делать, – это спокойно лежать. Мама вытирает глаза сперва себе, затем мне. – Ты все еще моя девочка. И я не пережила бы, если бы с тобой что-нибудь случилось, а мы бы по-прежнему не... Ну, ты понимаешь.

– Нгет... – Я давлюсь словами. Язык заплетается. Точно у пьяной. – Нгет, я не гхотела...

– Я знаю. Лу, ты поступила так жестоко. Я не могла...

– Не сейчас, милая, хорошо? – трогает ее за плечо папа.

Мама замолкает. Отворачивается и смотрит в пустоту перед собой, затем берет меня за руку:

– Когда нам позвонили... Ох! Я испугалась, что ты... – Она снова хлопает носом,

прижимая платок к губам. – Бернард, слава богу, что она в порядке!

– Конечно в порядке. Она сделана из резины, эта крошка. Да?

Очертания папиной фигуры расплываются перед глазами. Последний раз мы говорили с ним по телефону два месяца назад, но не виделись целых восемнадцать месяцев, а именно со дня моего отъезда. Папа выглядит огромным и очень родным, а еще отчаянно уставшим.

– Простите, – шепчу я. Ничего другого в голову не приходит.

– Да ладно тебе! Мы просто рады, что ты в порядке. Хотя ты и выглядишь так, будто провела шесть раундов с Майком Тайсоном. Ты здесь хоть раз смотрела на себя в зеркало? – (Я качаю головой.) – Помнишь Терри Николлса? Ну того самого, что перелетел через велосипед перед «Минимартом»? Так вот, если убрать усы, ты точь-в-точь как он. И в самом деле... – Папа наклоняется поближе ко мне. – Раз уж ты сама начала...

– Бернард.

– Завтра мы принесем тебе щипчики. Но в любом случае в следующий раз, когда захочешь полетать, лучше давай отправимся на какой-нибудь старый добрый аэродром. Прыжки и размахивание руками в твоем случае явно не работают.

Я пытаюсь улыбнуться.

Теперь они уже оба наклоняются ко мне. Их озабоченные лица напряжены. Мои родители.

– Бернард, она похудела. Не находишь, что она похудела?

Папа приближает ко мне лицо, и я вижу, что глаза у него на мокром месте. А растянутые в улыбке губы непривычно дрожат.

– Милая, она у нас... просто красавица. Уж можешь мне поверить. Просто красотка, черт побери!

Он сжимает мою руку, затем подносит к губам и целует. Сколько себя помню, папа ни разу такого не делал.

Только сейчас я понимаю, что они решили, будто я умираю, и из моей груди вырывается горестный всхлип. Я закрываю глаза, чтобы остановить жгучие слезы, и чувствую на запястье папину мозолистую руку.

– Мы здесь, родная. Теперь все в порядке. Все будет хорошо.

Первые две недели они каждый божий день мотаются на утреннем поезде в Лондон, преодолевая целых пятьдесят миль, ну а затем сокращают число посещений до нескольких раз в неделю. Папа получил особое разрешение не ходить на работу, потому что мама боится ездить одна. Ведь в Лондоне всякое может случиться. Она беспрестанно это повторяет, сопровождая свои слова опасливыми взглядами на дверь, словно вооруженный ножом убийца в плаще с капюшоном мог прокрасться за ней в палату. Трина остается дома, чтобы приглядывать за дедушкой. Мама сообщает мне об этом несколько натянутым тоном, из чего я делаю вывод, что сестра, будь на то ее воля, возможно, распорядилась бы своим временем несколько иначе.

Мама привозит домашнюю еду. Она пришла в ужас, увидев мой больничный ланч, состав которого мы даже после долгих и бурных дискуссий так и не смогли определить. «И в пластиковой упаковке, Бернард. Как в тюрьме!» – презрительно фыркнула она, ткнув в непонятное блюдо вилкой. Теперь мама каждый день привозит с собой огромные сэндвичи: толстые куски ветчины и сыра на белом хлебе, а также домашние супы в термосе. «Это хотя бы похоже на настоящую еду», – говорит она и кормит меня с ложечки,

как младенца. Мой язык постепенно приходит в норму, возвращаясь к человеческому размеру. Оказывается, при приземлении я прокусила его чуть ли не насквозь. Мне говорят, что такое случается сплошь и рядом.

Мне делают две операции на бедре, моя левая нога загипсована до колена, а левая рука – до локтя. Кит, один из санитаров, спрашивает разрешения написать что-нибудь на моих гипсовых повязках, так как девственно-белый гипс – плохая примета, и радостно расписывает их такими грязными выражениями, что медсестре Эвелин, родом с Филиппин, перед врачебным обходом приходится заклеивать непристойности пластырем. Когда Кит везет меня на рентген или процедуры, он потчует меня больничными сплетнями. И хотя я спокойно могу обойтись без страшилок о пациентах, умирающих медленной и мучительной смертью, которых здесь, похоже, видимо-невидимо. Кит обожает подобные истории. Интересно, а что он рассказывает обо мне? Ведь я девушка, которая упала с высоты пятого этажа, но выжила. В больничной иерархии это наверняка ставит меня выше больного с кишечной непроходимостью из палаты С или той тупоголовой девицы, которая случайно отрезала себе большой палец секатором.

Даже странно, как быстро привыкаешь к больничному распорядку. Я просыпаюсь, принимаю помощь от людей, которых уже знаю в лицо, говорю лечащим врачам то, что положено говорить, и начинаю ждать прихода родителей. Родители выполняют необходимую в палате мелкую работу, а при появлении врачей становятся непривычно почтительными. Папа так долго извиняется за мое неумение нормально прыгать, что маме приходится лягать его, и довольно чувствительно, в лодыжку.

После окончания врачебного обхода мама совершает экскурсию по магазинчикам в вестибюле, а по возвращении сдержанно возмущается обилием торговых точек с фастфудом. «Бернард, ты не поверишь! Этот одноногий мужчина с кардиологии набил полный рот чизбургером и чипсами».

Папа обычно сидит на стуле в изножье кровати и читает местную газету. Первую неделю он все пытается найти сообщения о моем происшествии, а я пытаюсь объяснить ему, что в этой части города даже двойные убийства вряд ли удостоятся упоминания в краткой сводке новостей, но, поскольку на прошлой неделе в Стортфорде первая полоса местной газеты открывалась статьей под заголовком «Тележки из супермаркета оставлены в неположенном месте парковки», а неделей раньше это было «Школьники удручены состоянием пруда с утками», убедить папу стоит больших трудов.

В пятницу, после заключительной операции на моем бедре, мама приносит домашний халат, который велик мне на целый размер, и большой бумажный пакет сэндвичей с яйцом. Я даже могу не спрашивать, что в пакете: запах сероводорода пропитывает воздух, как только мама открывает сумку. Папа шепчет слова извинения и демонстративно машет перед носом рукой.

– Джози, сестры меня убьют, – говорит он, открывая и закрывая дверь в палату.

– Яйца ее подкрепят. Она слишком худенькая. Да и вообще, чья бы корова мычала. Ты вечно выпускаешь ужасные запахи, обвиняя в этом собаку, которая уже два года как умерла.

– Я просто хочу сохранить романтику наших отношений, любимая.

Мама осторожно оглядывается и понижает голос:

– Трина говорит, что, когда ее последний бойфренд устраивает газовую атаку,

он накидывает ей на голову одеяло. Нет, ты представляешь?!

Папа поворачивается ко мне:

– А вот когда я такое делаю, мама готова сменить местожительство.

Они смеются, но атмосфера явно напряженная. Я это кожей чувствую. Когда твой мир скукоживается до пространства, ограниченного четырьмя стенами, у тебя возникает обостренное чутье на малейшие изменения в воздухе. Это всегда чувствуется по тому, как врачи отворачиваются, рассматривая рентгеновские снимки, или как медсестры прикрывают рот, когда говорят о ком-то, кто только что умер в соседней палате.

– Что? – спрашиваю я. – В чем дело?

Родители беспомощно смотрят друг на друга.

– Понимаешь... – Мама присаживается на край постели. – Доктор сказал... Консультант сказал... что не совсем ясно, как ты могла упасть.

Я откусываю кусочек сэндвича с яйцом. Я уже могу что-то поднять левой рукой.

– Ах, ты об этом. Меня отвлекли.

– Когда ты ходила по крыше.

Я молча жую.

– Солнышко, а ты, случайно, не страдаешь лунатизмом?

– Папа, я еще ни разу в жизни не ходила во сне.

– А вот и нет. Когда тебе было тринадцать, ты во сне спустилась по лестнице и съела половину торта, испеченного Трине на день рождения.

– Ну, тогда я просто была немного сонной.

– И еще уровень алкоголя в крови. Они сказали... что он у тебя просто зашкаливал.

– У меня выдался тяжелый вечер на работе, вот я и выпила бокал-другой и поднялась на крышу подышать воздухом. А потом меня отвлек голос.

– Значит, ты слышала голос.

– Я просто стояла на крыше и смотрела вниз. Иногда я так делаю. А когда у меня за спиной послышался голос какой-то девочки, я испугалась и оступилась.

– Девочка?

– Я и правда слышала ее голос.

– А ты уверена, что это была реальная девочка? Не вымышленная... – спрашивает папа.

– У меня повреждено бедро, но не голова.

– Да, они точно говорили, что «скорую» вызвала какая-то девочка. – Мама предостерегающе касается папиной руки.

– Итак, ты утверждаешь, что это действительно был несчастный случай, – продолжает папа.

Я даже прекращаю жевать. Они виновато отворачиваются друг от друга.

– Что? Неужели вы думаете, будто я специально прыгнула вниз?

– Мы ничего не утверждаем. – Папа чешет в затылке. – Просто... мы немножко удивлены, что ты разгуливала по крыше дома в предрассветный час. Ведь ты всегда боялась высоты.

– Я была помолвлена с человеком, который считал нормальным подсчитывать число калорий, сожженных им во время сна. Господи боже мой! Значит, вот почему вы со мной так нянчитесь. Неужели вы думаете, что я пыталась покончить с собой?

– Просто он спрашивал разные...

– Кто вас спрашивал? О чем?

– Тот парень, психиатр. Милая, они только хотят убедиться, что ты в порядке. Мы знаем, тебе было... Ну ты понимаешь... После...

– Психиатр?

– Тебя собираются поставить на учет. У нас была долгая беседа с докторами, и ты едешь домой. Будешь жить с нами, пока не поправишься. Ты не можешь оставаться одна в своей квартире. Это...

– Вы что, были в моей квартире?

– Ну нам же надо было собрать твои вещи.

В комнате повисает тягостное молчание. Я представляю, как они стоят на пороге моей квартиры, мама судорожно сжимает сумку при виде грязного постельного белья, батареи пустых бутылок на каминной доске, половинки шоколадки «Фрут энд натс», одиноко лежащей в пустом холодильнике. Представляю, как родители переглядываются и качают головой. *Бернард, ты уверен, что мы не перепутали адрес?*

– Это... не совсем подходящее место для человека, идущего на поправку. И сейчас тебе лучше быть со своей семьей. Хотя бы до тех пор, пока снова не встанешь на ноги.

Меня так и подмывает сказать им, что я отлично справлюсь в своей квартире и не важно, что они там о ней думают. Я хочу делать свое дело, и возвращаться домой, и забывать обо всем до начала следующей смены. Меня так и подмывает сказать, что я не желаю возвращаться в Стортфолд, чтобы снова стать Той Девницей: Той, Которая. Не желаю ощущать тяжесть маминого тщательно скрываемого неодобрения, не желаю выслушивать папино жизнерадостное «все хорошо, все хорошо, все как прежде», словно если он будет твердить это, точно заклинание, все действительно будет хорошо. Я не желаю каждый день проходить мимо дома Трейноров, вспоминая о том, что когда-то была его частью, и от этого никуда не деться. Но я ничего не говорю. Потому что внезапно чувствую себя ужасно усталой, и вообще у меня везде болит и больше нет сил бороться.

Спустя две недели папа привозит меня домой в своем служебном фургончике. В кабине есть место только для двоих, поэтому мама остается убирать к моему приезду дом. И по мере приближения к Стортфолду у меня постепенно начинаются нервные спазмы в животе.

Жизнерадостные улицы родного города кажутся чужими. Я смотрю на них отстраненным, критическим взором, невольно отмечая, какое здесь все бедненькое, но чистенькое. Неожиданно я начинаю понимать, что увидел Уилл, когда впервые приехал домой после аварии, но сразу же отбрасываю эту мысль. Когда мы сворачиваем на нашу улицу, я вдруг ловлю себя на том, что вжимаюсь в спинку сиденья. Мне совсем не хочется вести вежливые разговоры с соседями и давать объяснения. Не хочу, чтобы меня осуждали за то, что я сделала.

– Ты в порядке? – Папа как будто читает мои мысли.

– Отлично.

– Вот и молодец. – Он ободряюще кладет мне руку на плечо.

Мама уже встречает нас на пороге. Похоже, последние полчаса она караулила у окна. Папа ставит одну из моих сумок на ступеньку и возвращается, чтобы помочь мне выйти из машины и забрать вторую сумку. Теперь я уже могу обходиться только тростью. Медленно ковыляя по подъездной дорожке, я спиной чувствую, как колышутся занавески в соседних домах. И буквально слышу шепотки соседей: *Посмотри, кто тут у нас объявился.*

Как думаешь, что она на сей раз натворила?

Папа направляет меня вперед, внимательно следя за моими ногами, словно они могут занести меня куда не надо.

– Ну как, нормально? – без усталости твердит он. – Вот так, потихонечку.

Я вижу в прихожей за маминой спиной дедушку. На нем клетчатая рубашка и парадный голубой джемпер. Ничего не изменилось. Те же обои на стенах. Тот же ковер в прихожей, который, судя по белесым полосам, мама пылесосила не далее чем сегодня утром. На крючке висит моя старая синяя куртка с капюшоном. Восемнадцать месяцев. У меня такое чувство, будто я отсутствовала целых десять лет.

– Не торопи ее, – говорит мама, нервно ломая руки. – Бернард, ты слишком быстро идешь.

– Она явно не собирается соревноваться с Мо Фарахом^[1]. Но если пойдет еще медленнее, нас примут за лунатиков.

– Осторожней, ступеньки! Бернард, может, подстрахуешь ее сзади, пока она поднимается. Ну, ты понимаешь, на случай, если она вдруг начнет падать назад.

– Я знаю, где у нас ступеньки, – цежу я сквозь стиснутые зубы. – Хотя и жила здесь всего-навсего двадцать шесть лет.

– Бернард, проследи, чтобы она не споткнулась о тот выступ. Ты же не хочешь, чтобы она сломала и второе бедро.

Господи! Неужели и у тебя, Уилл, все было так же? Каждый божий день?

И тут, отодвинув маму в сторону, на пороге появляется моя сестра.

– Мама, ради бога! Ну давай же, Хопалонг!^[2] Нечего устраивать здесь бесплатный цирк.

Трина просовывает руку мне под мышку и на секунду оборачивается, чтобы бросить испепеляющий взгляд на соседей. Она возмущенно поднимает брови, словно хочет сказать: какого черта?! Я могу поклясться, что слышу шуршание задергивающихся занавесок.

– Проклятые зеваки! Ну да ладно. Поторапливайся! Мне еще надо успеть отвезти Томаса в клуб, а я обещала, что до этого ты покажешь ему свои шрамы. И боже мой, до чего же ты отошала! Твои сиськи, наверное, теперь похожи на два мандарина, засунутые в пару носков.

Очень нелегко смеяться и одновременно идти. Томас так стремительно бросается меня обнимать, что я остаиваюсь и упираюсь рукой в стенку, чтобы не навернуться, когда он в меня врезается.

– Они что, действительно тебя разрезали, а потом собрали по частям? – спрашивает он. Его макушка уже на уровне моей груди. И у него не хватает четырех передних зубов. – Дедушка говорит, что они тебя неправильно собрали. И бог его знает, как мы сможем определить, что они перепутали.

– Бернард!

– Я пошутил.

– Луиза... – Дедушкин голос звучит хрипло и невнятно.

Он на нетвердых ногах проходит вперед и обнимает меня. Я отвечаю ему тем же. Он слегка отстраняется и притворно сердито хмурится, его старческие руки держат меня на удивление крепко.

– Я знаю, дедуля. Знаю. Но теперь она дома, – говорит мама.

– Ты снова будешь жить в своей старой комнате, – добавляет папа. – Боюсь только, тебе не понравятся обои с трансформерами, которые мы поклеили для Тома. Надеюсь, ты не имеешь ничего против автоботов и предаконов?

– А у меня в попе червяки, – радостно сообщает Томас. – Мама не велит рассказывать об этом чужим. Или засовывать пальцы в...

– Господи помилуй! – вздыхает мама.

– Добро пожаловать домой, Лу, – произносит папа и тотчас же роняет сумку мне на ногу.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что первые девять месяцев после смерти Уилла прошли для меня как в тумане. Я прямиком отправилась в Париж и на время забыла о доме, пьяная от неожиданной свободы и жажды новых впечатлений, которую разбудил во мне Уилл. Я получила работу в баре – любимом месте сбора экспатов^[3], – где терпели мой ужасный французский, и в результате я даже здорово поднаторела в языке. Я поселилась в Шестнадцатом округе, в крошечной комнате в мансарде над ресторанчиком с восточной кухней, и долгими бессонными ночами лежала, прислушиваясь к голосам подвыпивших посетителей или к звукам ранних развозчиков продуктов, а наутро просыпалась с таким чувством, будто я живу чужой жизнью.

В те первые месяцы мне казалось, будто с меня живьем содрали кожу – настолько остро я ощущала происходящее вокруг. Проснувшись, я с ходу начинала смеяться или плакать, теперь мне все виделось в другом свете, словно раньше я смотрела на жизнь через фильтр, который внезапно убрали. Я пробовала непривычную еду, бродила по незнакомым улицам, говорила с людьми на неродном для себя языке.

Время от времени меня преследовал призрак Уилла. И тогда я начинала смотреть на все его глазами, а у меня в ушах стоял его голос:

Ну, что ты теперь об этом думаешь, Кларк?

Я ведь говорил, что тебе понравится.

Съешь это! Попробуй это! Ну давай же!

Мне ужасно не хватало наших ежедневных рутинных занятий. Прошли недели, прежде чем мои руки перестали скучать по тактильному контакту с Уиллом: по мягкой рубашке, которую я на нем застегивала, по теплым ладоням, которые я осторожно мыла, по шелковистым волосам, память о которых до сих пор хранили мои пальцы. Я тосковала по его голосу, по резкому, язвительному смеху, по его губам, по его глазам с тяжелыми веками. Мама, так и не сумевшая смириться с моим участием во всей этой истории, заявила, что хотя она и не стала любить меня меньше, но решительно не узнает в этой Луизе ту девочку, которую она растила и воспитывала. Одним словом, после потери не только любимого мужчины, но и семьи для меня все было кончено, а нити, связывавшие меня с прошлым, оборваны. Я словно попала в неизведанную вселенную.

Поэтому я стала играть в новую жизнь. Завязывала случайные, ни к чему не обязывающие знакомства с другими путешественниками: английскими студентами в академическом отпуске; американцами, повторившими путь своих литературных героев и решившими не возвращаться на Средний Запад; молодыми преуспевающими банкирами; разношерстными туристами, приезжавшими на один день, этот бесконечный калейдоскоп лиц; беглецами, пытавшимися спрятаться от прошлого. Улыбалась, общалась, работала и уговаривала себя, что делаю именно то, что хотел от меня Уилл.

И вот прошла зима, наступила чудесная весна, а затем в одно прекрасное утро я проснулась и поняла, что разлюбила этот город. Или, по крайней мере, так и не смогла почувствовать себя настолько парижанкой, чтобы остаться. Рассказы экспатов начали звучать на редкость однообразно, парижане сделались не слишком дружелюбными, и чуть ли не миллион раз в день я стала замечать, что мне так или иначе напоминают, что я никогда не смогу стать здесь своей. Сам город, при всей его притягательности, теперь походил

на гламурное платье от-кутюр, которое я в запале купила, но не смогла носить, потому что оно плохо сидело. Я уволилась и отправилась путешествовать по Европе.

Еще никогда за всю свою жизнь я не была в таких растрепанных чувствах в течение двух месяцев подряд. Я постоянно ощущала себя страшно одинокой. Меня бесила вечная неопределенность из-за переездов с места на место, волнения из-за расписания поездов и курса валют, невозможность завести друзей, поскольку я никому не доверяла. Да и вообще, что я могла о себе рассказать? Когда меня начинали расспрашивать, я отделялась общими словами. Ведь тем, что действительно могло представлять интерес или было важно для меня, я категорически не могла ни с кем поделиться. И при отсутствии собеседников даже самые интересные достопримечательности – будь то фонтан Треви или каналы Амстердама – становились для меня просто очередным номером в списке, где можно было поставить галочку. Закончилось мое путешествие на пляже в Греции, напомнившем мне о пляже, где я была с Уиллом. Я неделю просидела на песке, отбиваясь от загорелых молодых людей, которые по странной иронии судьбы все как один носили имя Дмитрий, и уговаривая себя, что это прекрасное времяпрепровождение, но в результате не выдержала и вернулась в Париж. Причем в основном потому, что внезапно поняла, что мне больше некуда ехать.

Две недели я спала на диване у девушки, с которой работала вместе в баре, и все это время безуспешно пыталась составить план действий. Вспоминая разговор с Уиллом о моем будущем, я разослала письма в несколько колледжей насчет курса по дизайну одежды, но, не имея за плечами никакого опыта в этом деле, везде получила вежливый отказ. В колледже, куда я первоначально была зачислена, мое место отдали кому-то другому, потому что я вовремя не оформила отсрочку. В будущем году я могу снова подать заявление, сказала администраторша, которая, судя по ее тону, ни секунды не сомневалась, что я никогда не сделаю этого.

Я просмотрела веб-сайты имеющихся вакансий и поняла: у меня по-прежнему не хватает квалификации, чтобы претендовать на любую работу, способную хоть как-то меня заинтересовать. И пока я раздумывала, как жить дальше, неожиданно позвонил Майкл Лоулер: пора было что-то делать с деньгами, которые оставил мне Уилл. Для меня это был удобный предлог наконец двинуться дальше. Майкл Лоулер помог мне договориться о цене на безумно дорогую квартиру с двумя спальнями в районе «Квадратной мили»^[4]. Квартиру я купила исключительно из-за винного бара на углу, о котором когда-то упоминал Уилл. Таким образом я могла чувствовать себя ближе к нему. У меня даже осталось немного денег на то, чтобы обставить квартиру. И вот шесть недель спустя я вернулась в Англию, нашла работу в «Шемроке и кловере», переспала с мужчиной по имени Фил, с которым больше не собиралась встречаться, и стала ждать, когда же наконец появится ощущение, что я снова живу.

Прошло девять месяцев, а я по-прежнему продолжаю ждать.

Первую неделю своего пребывания под родительской кровлей я практически не выходила из дому. У меня все болело, я легко утомлялась, а потому самым простым было лежать в кровати, дремать под воздействием сильных болеутоляющих и убеждать себя, что сейчас самое главное – потихоньку восстанавливаться. Как ни странно, но возвращение домой меня даже обрадовало, ведь со времени своего отъезда я впервые получила возможность нормально поспать хотя бы четыре часа подряд, к тому же наш дом был таким маленьким, что в поисках точки опоры я всегда могла дотянуться до стенки. Мама меня

кормила, дедушка составлял мне компанию (Трина забрала Томми и вернулась в колледж), а я только и делала, что смотрела дневные телешоу, ставшие для меня на время добрыми друзьями, и с замиранием следила за взлетами и падениями второразрядных знаменитостей, о которых вследствие продолжительного пребывания за границей даже не слышала. Я словно жила в маленьком коконе, куда, надо сказать, потеснив меня, незаконно вселился огромный слон.

Мы не разговаривали ни о чем, что могло бы разрушить установившееся таким образом хрупкое равновесие. Я внимательно следила за тем, какой очередной знаменитостью разродится дневное телевидение, и за ужином говорила: «Ну и как вам эта история с Шейной Уэст?» И родители с благодарностью подхватывали тему и говорили, что она проститутка, или что у нее чудесные волосы, или что она не хуже и не лучше, чем есть на самом деле. Мы обсуждали шоу «Миллион на чердаке» («Интересно, а сколько мог бы стоить викторианский цветочный горшок твоей мамы? Уродливое старье...») и «Идеальные дома нашей страны» («В такой ванной я даже собаку не стала бы мыть»). И я старалась не думать ни о чем, кроме приема пищи и преодоления мелких препятствий типа одевания, чистки зубов и выполнения маминых мелких поручений («Милая, пока меня не будет, разбери, пожалуйста, если можешь, свое грязное белье, чтобы я могла постирать его с нашим цветным»).

Но внешний мир, словно набегающий на берег прибой, настойчиво вторгался в нашу жизнь. Я слышала, как соседи спрашивали маму, когда та развешивала белье. *Ваша Лу уже дома, да?* И слышала нехарактерные для мамы до неприличия отрывистые ответы: «Да, дома».

Я вдруг заметила за собой привычку обходить стороной комнаты, из окна которых был виден замок. Но я знала, что он там, а обитатели дома рядом – живая связь с Уиллом. Иногда я задавала себе вопрос, что с ними сейчас. Еще в мою бытность в Париже мне передали письмо от миссис Трейнор, в котором та выражала формальную благодарность за помощь ее сыну. «Я прекрасно понимаю, что вы приложили максимум усилий». И на этом все. Семья Уилла перестала быть частью моей жизни, превратившись в призрачное напоминание о времени, о котором мне хотелось забыть.

Но теперь, когда наша улица каждый вечер на несколько часов погружалась в тень замка, присутствие Трейноров становилось для меня немым укором.

Только через две недели своего пребывания в отчем доме я вдруг обнаружила, что родители перестали посещать свой клуб, куда обычно ходили по вторникам.

– Сегодня ведь вторник, да? – спросила я в начале третьей недели, когда семья собралась за обеденным столом. – Разве вам не пора уходить?

Они смущенно переглянулись.

– Да нет. Нам и здесь неплохо, – ответил папа, продолжая жевать свиную отбивную.

– Ой, да я прекрасно справлюсь сама. Честное слово, – заявила я. – Мне уже гораздо лучше. И я с удовольствием посмотрю телевизор. – В глубине души я хотела просто посидеть в одиночестве. Ведь с тех пор, как я вернулась домой, меня больше чем на полчаса не оставляли одну. – Правда-правда. Сходите развлекитесь. Не все же вам со мной сидеть.

– Мы... На самом деле мы больше не ходим в клуб, – не глядя на меня, сказала мама, сосредоточенно разрезавшая картофель на тарелке.

– Люди... Им всем не терпится высказаться. О том, что происходит, – пожал плечами папа. – И в результате мы поняли, что гораздо проще держаться от них подальше.

В разговоре возникла тягостная пауза, затянувшаяся на целых шесть минут.

Были и другие, более конкретные звоночки из прошлого, с которым, как мне казалось, я покончила навсегда. Гость из прошлого был облачен в эластичные штаны для бега с хорошими гигроскопическими свойствами.

Обнаружив, что Патрик уже четвертое утро подряд устраивает пробежки мимо моего дома, я поняла, что это больше, чем простое совпадение. Услышав в первый день его голос, я прохромала к окну и посмотрела на улицу через щелочку жалюзи. И вот, нате вам, он там внизу собственной персоной, растягивает коленные сухожилия и беседует с какой-то блондинкой: ее волосы убраны в хвостик, а сама девица затянута в синюю лайкру, настолько тугую, что я с уверенностью могла сказать, чем она сегодня завтракала. Они выглядели словно два олимпийца, пропустившие соревнования по бобслею.

Я отошла от окна на случай, если Патрик вдруг поднимет голову и заметит меня, но уже через минуту они побежали дальше, бок о бок, по дороге – спины выпрямлены, ноги ритмично двигаются, – совсем как запряженная в повозку пара блестящих бирюзовых пони.

Два дня спустя я как раз одевалась, когда снова услышала их. Патрик разглагольствовал насчет углеводной диеты, и на сей раз блондинка периодически смотрела с подозрением на наш дом, словно удивляясь, с чего это вдруг они второй раз подряд останавливаются в одном и том же месте.

На третий день они появились, когда я сидела с дедушкой в гостиной.

– Нам следует заняться спринтом, – громко произнес Патрик. – Я вот что тебе скажу: добеги до четвертого фонарного столба и обратно, а я засеку время. Интервал – две минуты. Вперед!

Дедушка посмотрел на меня и многозначительно поднял брови.

– Он что, после моего возвращения постоянно так делает?

В ответ дедушка закатил глаза, показав желтоватые белки.

Я бросила взгляд на улицу сквозь тюлевые занавески. Патрик стоял в эффектной позе в нескольких футах от моего окна, не сводя глаз с секундомера. На нем была черная флисовая куртка, застегнутая на молнию, и шорты из лайкры в тон куртки, и я за своей тюлевой занавеской смотрела на него во все глаза, не переставая удивляться, как я могла так долго верить, будто люблю этого человека.

– Не останавливайся! – кричал Патрик, глядя на секундомер. И девица, точно дрессированная собачка, дотронулась до фонарного столба рядом с Патриком и снова рванула с места. – Сорок две и тридцать восемь сотых секунды, – одобрительно произнес Патрик, когда она вернулась, повесив язык на плечо. – Спорим, ты сможешь улучшить результат еще на пять десятых секунды.

– Это он ради тебя старается. – Мама вошла в комнату с двумя кружками в руках.

– А я-то удивляюсь, с чего бы это!

– Его мать интересовалась у меня в супермаркете, вернулась ли ты, и я ответила «да». И не надо на меня так смотреть. Не могла же я врать этой женщине. Та, другая, сделала себе силиконовые сиськи. Весь Стортфорд только об этом и говорит. Такие огромные, что на них вполне уместятся две чашки чая. – Мама еще немного потопталась рядом. – А ты в курсе, что они помолвлены?

Я ждала, что почувствую укол в сердце, но практически ничего не почувствовала, будто комарик куснул.

– Они смотрятся... очень гармонично.

Мама окинула их задумчивым взглядом:

– Лу, он неплохой парень. Просто ты... изменилась. – Она вручила мне кружку и повернулась к двери.

Наконец одним утром, когда Патрик остановился, чтобы проделать отжимания на тротуаре возле нашего дома, я открыла переднюю дверь и вышла на улицу. Я стояла на крыльце, скрестив на груди руки, и ждала, когда он заметит меня.

– На твоём месте я не стала бы тут задерживаться. Соседская собака питает маленькую слабость именно к этому участку тротуара.

– Лу! – воскликнул он, словно меньше всего ожидал увидеть меня на пороге моего собственного дома, куда он приходил по несколько раз в неделю целых семь лет, пока мы встречались. – Ну... Я... немного удивлен видеть тебя снова. Мне казалось, ты уехала завоевывать мир!

Его невеста, которая отжималась рядом с ним, вскинула на меня глаза и снова уставилась в тротуар. Возможно, это плод моего воображения, но мне показалось, будто она изо всех сил сжала ягодички. Вверх – вниз, вверх – вниз. Она продолжала яростно отжиматься. Вверх – вниз. Я даже начала слегка опасаться за сохранность ее нового бюста.

Патрик перехватил мой взгляд и живо вскочил на ноги.

– Это Кэролайн, моя невеста. – Он не сводил с меня глаз, явно ожидая хоть какой-то реакции. – Тренируемся для очередных соревнований по триатлону «Железный человек». Мы уже приняли участие в двух из них.

– Как... романтично, – заметила я.

– Ну, нам с Кэролайн нравится все делать вместе.

– Я вижу, – кивнула я. – И оба в бирюзовой лайкре!

– О да. Командные цвета.

Возникла короткая пауза.

Я взмахнула сжатой в кулак рукой:

– Ладно, бегите! Продолжайте вашу командную тренировку!

Кэролайн поднялась и начала растягивать мышцы бедра, поочередно сгибая колени и поджимая ноги к ягодичкам, точно аист. Она сухо кивнула мне. Минимальная дань вежливости, на которую она смогла решиться.

– А ты похудела, – произнес Патрик.

– Ну да. Бессолевая диета и капельницы с физраствором творят чудеса.

– Я слышал... с тобой произошел несчастный случай.

– Плохие вести быстро распространяются.

– И все же. Я рад, что ты в порядке. – Он шмыгнул носом и посмотрел на дорогу. – Прошлый год был для тебя, должно быть, нелегким. Ну, сама понимаешь. Я о том, что ты сделала, и вообще.

Вот и началось. Я молча стояла, пытаюсь дышать ровно. Кэролайн категорически отказывалась на меня смотреть, продолжая растягивать коленные сухожилия.

– Во всяком случае... прими мои поздравления по поводу свадьбы.

Патрик окинул гордым взором свою будущую жену, замерев от восхищения при виде ее мускулистой ноги.

– Люди не зря говорят: ты просто знаешь, что это твое, – виновато улыбнулся Патрик.

И это меня доконало.

– Не сомневаюсь, что так. Наверняка ты уже отложил на свадьбу кругленькую сумму. Ведь свадьбы нынче дорогое удовольствие, да? – (Они дружно вытаращились на меня.) – Я насчет того, что ты продал мою историю газетчикам. Сколько они тебе отвалили, Пат? Пару тысяч? Трине так и не удалось узнать точную цифру. Что ж, смерть Уилла поможет вам одеть в лайкру парочку спиногрызов!

Судя по взгляду, который Кэролайн бросила на своего суженого, Патрик явно не рискнул поделиться с ней этой деталью своей биографии. Он уставился на меня, на лице его вдруг заалели два пятна.

– Я тут совершенно ни при чем.

– Конечно нет. Ну ладно. Была рада повидаться, Пат. Кэролайн, желаю счастья в семейной жизни! Не сомневаюсь, ты будешь... самой накачанной невестой в округе.

Я повернулась и медленно вошла в дом. Прислонилась к двери и осталась стоять, пытаюсь унять сердцебиение, до тех пор, пока они наконец не продолжили пробежку.

– Говнюк, – сказал дедушка, когда я проковыляла обратно в гостиную, и, бросив пренебрежительный взгляд в сторону окна, повторил: – Говнюк. – И хихикнул.

Я уставилась на дедушку. А затем неожиданно для себя начала хохотать, впервые за очень долгое время.

– Ну так как, ты решила, что собираешься делать? Когда поправишься.

Я лежала на кровати. Трина звонила из колледжа. Она ждала окончания занятий Томаса в футбольном клубе, и у нее как раз образовалась свободная минутка. Я уставилась в потолок, куда Томас наклеил целое созвездие светящихся стикеров, которые теперь можно было снять только с добрым куском обшивки.

– Еще нет.

– Но ты должна хоть что-то делать. Не будешь же ты целую вечность сидеть на попе ровно.

– Я вовсе не сижу на попе ровно. А кроме того, у меня еще болит бедро. Физиотерапевт советует побольше лежать.

– Мама с папой гадают, чем ты думаешь заняться. Ведь в Стортфолде нет работы.

– Я не хуже тебя это знаю.

– Но ты плывешь по течению. Тебя абсолютно ничего не интересует.

– Трин, я только что упала с пятого этажа. И теперь восстанавливаюсь.

– А до этого ты унеслась путешествовать. Потом работала в баре, так как не поняла, что хочешь делать. Тебе давно пора навести порядок в голове. В колледж ты возвращаться не собираешься, значит самое время решать, как жить дальше. В любом случае, если ты рассчитываешь остаться в Стортфолде, необходимо сдать квартиру в Лондоне. Ты же не можешь до бесконечности сидеть на родительской шее.

– И это мне говорит женщина, которая последние восемь лет существовала за счет банка Папы и Мамы.

– У меня очное обучение. А это большая разница. Так или иначе, пока ты валялась в больнице, я проверила выписки с твоего банковского счета. И после того как я заплатила по счетам, по моим прикидкам, у тебя еще остается полторы тысячи фунтов, включая положенные выплаты по больничному листу. Кстати, какого черта ты столько треплешься по телефону с Америкой? Эти звонки обошлись тебе в целое состояние.

– Это тебя не касается.

– Ладно, я составила список агентов по недвижимости, занимающихся арендой. А затем, думаю, стоит снова попытаться подать заявление в колледж. Возможно, кто-то уже бросил учебу на курсе, который ты выбрала.

– Трин, ты меня утомляешь.

– Нет смысла болтаться без дела. Как только у тебя появится цель, ты сразу почувствуешь себя человеком.

Конечно, все это ужасно раздражало, но, с другой стороны, ворчание Трины действовало успокаивающе. Ведь она была единственной, кто осмеливался меня воспитывать. Родители, похоже, были убеждены, что у меня внутри образовалась червоточина, а потому обращаться со мной следует с особой деликатностью. Мама аккуратно складывала мое выстиранное белье в изножье кровати, готовила мне еду три раза в день, а когда я ловила на себе ее взгляд, отвечала мне смущенной полуулыбкой, которая яснее всяких слов говорила о том, что мы не решались друг другу сказать. Папа возил меня на сеансы физиотерапии, сидел рядом со мной на диване перед телевизором и даже не пытался надо мной подшучивать. И только Трина была в своем обычном репертуаре.

– Ты ведь знаешь, что я сейчас скажу.

– Да. Но лучше не надо.

– И ты знаешь, что он бы тебе сказал. Ты заключила соглашение. И не имеешь права его нарушить.

– Ну ладно. Проехали, Трин. Давай закончим этот разговор.

– Отлично. Томас уже выходит из раздевалки. Увидимся в пятницу! – сказала она так, словно мы мило поболтали о пустяках: например, о музыке, или о предполагаемом путешествии на каникулах, или о мыльной опере.

В результате я так и осталась лежать, тупо таращась в потолок.

Ты заключила соглашение.

Ага. И посмотри, что из этого получилось.

Хотя Трина и высказывала мне претензии, я все же достигла определенного прогресса за те несколько недель, что прошли после моего возвращения домой. Я перестала пользоваться тростью, с которой чувствовала себя чуть ли не девяностолетней старухой и которую умудрялась забывать практически везде, где бывала. Каждое утро я по маминой просьбе выводила дедушку погулять в парк. Доктор велел дедушке совершать ежедневный моцион, но мама, которой вздумалось однажды за ним проследить, обнаружила, что он, очевидно решив не утруждать себя долгими прогулками, дошел до углового магазина, чтобы купить увесистый пакет свиных шкварок и съесть их на обратном пути.

Мы шли медленно, дружно прихрамывая, и ни у кого из нас не было определенной цели.

Мама продолжала уговаривать нас обследовать окрестности замка, «чтобы сменить декорации», но я пропускала ее слова мимо ушей, и, когда каждое утро за нами закрывалась калитка, дедушка неизменно уверенно кивал в сторону парка. И не только потому, что это был самый короткий путь или парк был ближе к букмекерской конторе. Думаю, дедушка просто знал, что мне не хочется туда возвращаться. Я была еще не готова. Я вообще сомневалась, что когда-нибудь буду готова.

Мы два раза медленно обошли вокруг утинового пруда, затем сели на скамью в жидких лучах весеннего солнца и стали смотреть, как карапузы и их родители кормят жирных уток, а подростки курят, орут и дерутся; наивные детские ухаживания. Потом мы неспешно

прогулялись до букмекерской конторы, чтобы дедушка мог сделать двойную ставку в три фунта на лошадь по имени Плутровка, а после того как дедушка, скомкав, выбросил квитанцию в мусорную корзину, я сказала, что куплю ему в супермаркете пончик с джемом.

– Ой, жир! – воскликнул дедушка перед прилавком с кондитерскими изделиями, а я удивленно нахмурилась. Тогда он показал на пончики и со смехом повторил: – Ой, жир.

– А... все понятно. Мы так и скажем маме. Пончики с низким содержанием жира.

Мама объяснила, что от нового лекарства дедушка становится смешливым. Но я подумала: это еще не самое страшное, что бывает в жизни.

И пока мы стояли в очереди в кассу, дедушка все еще продолжал хихикать над своей шуткой. А я, опустив голову, рылась в карманах в поисках мелочи и размышляла, стоит ли помочь на выходных папе в саду. Поэтому я не сразу услышала шепотки за спиной.

– Это бремя вины. Говорят, она пыталась броситься с крыши многоэтажки.

– Ну, вы бы тоже так сделали, разве нет? Я точно знаю, что не могла бы жить в ладу с собой.

– И у нее еще хватает наглости показываться на люди.

Я застыла, судорожно сжав руки в карманах.

– Только подумайте, бедняжка Джози Кларк до сих пор мучается угрызениями совести. Она буквально каждую неделю исповедуется, а ведь душа этой женщины чиста, как свежестырированное белье.

Дедушка показывал на пончики и артикулировал, обращаясь к кассирше:

– Ой, жир.

Она подняла глаза и вежливо улыбнулась:

– Восемьдесят шесть пенсов, пожалуйста.

– Трейноры тоже страшно изменились.

– Да, ты не находишь, что это их совершенно подкосило?

– Восемьдесят шесть пенсов, пожалуйста.

Я не сразу поняла, что кассирша выжидающе смотрит на меня. Я вытащила из кармана пригоршню мелочи и дрожащими руками попыталась ее рассортировать.

– А тебе не кажется, что Джози рискует, доверяя ей заботу о дедушке?

– Ты же не думаешь, что она...

– Кто знает. Коли она уже один раз на такое пошла...

У меня горело лицо, стучало в висках. Деньги посыпались на прилавок. Дедушка продолжал твердить озадаченной кассирше: «ОЙ, ЖИР. ОЙ, ЖИР», ожидая, когда та поймет его шутку. Я потянула его за рукав:

– Да ладно тебе, дедушка. Нам надо идти.

– Ой, жир, – с упорством пьяного повторил дедушка.

– Верно, – добродушно улыбнулась кассирша.

– Дедушка, ну пожалуйста! – Меня бросило в жар, закружилась голова. Казалось, я вот-вот упаду в обморок.

Должно быть, они продолжали судачить за моей спиной, но у меня так звенело в ушах, что я уже ничего не слышала.

– Пока, пока, – сказал дедушка.

– До свидания, – ответила кассирша.

– Славно, – кивнул дедушка, когда мы вышли на улицу, и, посмотрев на меня, спросил: –

А почему ты плачешь?

Когда ты хоть как-то причастен к ужасному, роковому событию, то все получается не совсем так, как ты думаешь. Ты считаешь, что главное для тебя – преодолеть психологические последствия ужасного, рокового события. Это и яркие воспоминания, и бессонные ночи, и бесконечное прокручивание пленки назад с неизменными вопросами: а правильно ли ты поступил, все ли сказал, что следовало сказать, мог ли ты поступить хоть как-то иначе?

Мама не зря говорила, что мое присутствие *там* возле Уилла в конце концов перевернет всю мою жизнь, и мне казалось, она имеет в виду чисто моральные аспекты. Мне казалось, она имеет в виду чувство вины, которое придется перебороть, скорбь, бессонные ночи, странные приступы беспричинного гнева, бесконечные мысленные диалоги с тем, кого уже нет с нами. Но теперь я поняла, что это не только мое личное дело: в наш электронный век я навсегда останусь той самой особой. И даже если я сумею стереть воспоминания, то буду до конца жизни замарана историей со смертью Уилла. Наши имена будут неразрывно связаны до тех пор, пока существуют мониторы и пиксели. Люди станут судить обо мне на основании чисто поверхностной информации, а иногда и при полном отсутствии таковой, и тут уж ничего не попишешь.

Я коротко подстриглась. Изменила манеру одеваться, убрав наиболее приметные вещи в мешки и засунув их в дальний угол шкафа, и взяла на вооружение фирменный стиль моей сестрицы: джинсы и безликий верх. Теперь, когда я читала статьи в газетах о банковском служащем, укравшем целое состояние, женщине, убившей своего ребенка, исчезнувших братьях и сестрах, я больше не содрогалась от ужаса, как в прежние времена, и не переворачивала брезгливо страницу, а думала об истории, которая не попала на черно-белую страницу.

Нет, я чувствовала странное родство с героями этих репортажей. На мне лежало позорное пятно. И все кругом это знали. И что самое неприятное, теперь я тоже это знала.

Я отправилась в библиотеку. Убрала волосы под вязаную шапочку, надела солнцезащитные очки и постаралась не слишком заметно хромать, хотя от напряжения у меня сводило челюсти.

Я прошла мимо карапузов из хорового кружка в детском уголке, молчаливых любителей генеалогии, пытающихся доказать, что, да, их связывают некие родственные узы с королем Ричардом III, и устроилась в уголке с подшивкой местных газет. Найти газеты за август 2009-го оказалось проще простого. Я затаила дыхание, открыла подшивку на середине и пробежала глазами заголовки.

Уроженец нашего города кончает с собой в швейцарской клинике

Семья Трейнор просит не беспокоить их в «трудное для них время».

Тридцатипятилетний сын Стивена Трейнора, смотрителя замка Стортфорд, покончил с собой в «Дигнитас», сомнительной швейцарской клинике эвтаназии. Мистер Трейнор стал квадриплегиком после дорожно-транспортного

происшествия в 2007 году. Он прибыл в клинику в сопровождении семьи и сиделки, двадцатисемилетней Луизы Кларк, также уроженки Стортфолда.

Полиция расследует обстоятельства дела. Из достоверных источников стало известно, что полиция не нашла оснований для судебного разбирательства.

Родители Луизы Кларк, Бернард и Джозефина Кларк, проживающие на Ренфру-роуд, от комментариев отказались.

Камилла Трейнор, мировой судья, насколько известно, после самоубийства сына сложила с себя полномочия. Согласно местному источнику, ее поведение оказалось «несовместимым» со статусом мирового судьи.

А вот наконец лицо Уилла, смотрящее на меня с зернистой фотографии в газете. Слегка сардоническая улыбка, прямой взгляд. У меня на секунду перехватило дыхание.

Смерть мистера Трейнора поставила точку в его успешной карьере в Сити, где его знали как акулу бизнеса, а также как человека, обладавшего редким чутьем на выгодные корпоративные сделки. Вчера коллеги мистера Трейнора собрались почтить память человека, которого они описывают как...

Я закрыла газету. И, только убедившись, что могу контролировать выражение лица, я подняла глаза. Библиотека жила своей обычной спокойной жизнью. Карапузы продолжали петь, их тонкие голоса нестройно выводили замысловатую мелодию, а сгрудившиеся вокруг мамыши восторженно хлопали в ладоши. Библиотекарша за моей спиной вполголоса обсуждала с коллегой способы приготовления тайского карри. Мужчина рядом со мной водил пальцем по строкам старинного списка избирателей, монотонно бубня: Фишер, Фицгиббон, Фицуильям.

Я ничего толком не сделала. Прошло больше восемнадцати месяцев, а я ничего толком не сделала. Продавала напитки в барах двух стран и упивалась жалостью к себе. А теперь после четырех недель пребывания в доме, в котором выросла, вдруг почувствовала, как Стортфолд начинает меня засасывать, словно желая убедить, что я могу быть здесь счастлива. Все будет хорошо. Я буду в безопасности. Конечно, никаких особых приключений мне больше не светит и придется потерпеть, пока люди снова не привыкнут к моему присутствию. Но ведь в жизни случаются вещи и похуже, чем жить вместе со своей семьей, в любви и спокойствии. В безопасности.

Я посмотрела на лежавшие передо мной подшивки. И прочла заголовок на первой полосе свежей газеты.

ПОБЕДА В ГОНКЕ ЗА МЕСТО НА СТОЯНКЕ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ ПЕРЕД ПОЧТОВЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ

И я вспомнила о папе, который, сидя у моей больничной койки, тщетно искал сообщения о чрезвычайном происшествии.

Я с треском провалилась, Уилл. Я подвела тебя по всем статьям.

Уже на подходе к дому я услышала истошные крики. И не успела я открыть дверь, как у меня заложило уши от завываний Томаса. Сестра громко отчитывала сына в углу

гостиной, строго грозя ему пальцем. Мама склонилась над дедушкой, в руках у нее был тазик с водой и абразивная губка, а дедушка тем временем вежливо, но настойчиво отталкивал ее руку.

– Что здесь происходит?

Мама отошла в сторону, и я смогла хорошенько разглядеть дедушкино лицо, украшенное новыми угольно-черными бровями и несколько неровными густыми черными усами.

– Перманентный маркер, – объяснила мама. – Начиная с этой минуты чтоб больше не смели оставлять спящего дедушку в одной комнате с Томасом!

– Ты должен прекратить разрисовывать все подряд! – вопила Трина. – Рисовать только на бумаге, понятно? Не на стенах. Не на лицах. Не на собаке миссис Рейнолдс. Не на моих штанах.

– Я написал тебе дни недели!

– Я не нуждаюсь в штанах с днями недели! – взвизгнула Трина. – А если и так, научись для начала правильно писать слово «вторник»!

– Трин, не ругай его, – попросила мама и снова склонилась над дедушкой. – Могло быть и хуже.

В нашем маленьком домике папины шаги вниз по лестнице звучали как мощные раскаты грома. Папа на полном ходу влетел в гостиную, плечи у него уныло поникли, волосы со сна стояли дыбом.

– Неужели нельзя дать человеку поспать в выходной день?! Это какой-то чертов дурдом!

Мы замерли, дружно уставившись на папу.

– Что? Что я такого сказал?

– Бернард...

– Вам не понравилось слово «дурдом»? Ой, да брось! Наша Лу ведь не думает, будто я имел в виду...

– Боже правый! – схватилась за голову мама.

Сестра принялась поспешно выпихивать Томаса из гостиной.

– Вот черт! – громко прошептала она. – Томас, уйди от греха подальше. Потому что, клянусь, когда твой дедуля до тебя доберется...

– Что? – нахмурился папа. – Что случилось?

Дедушка зашелся лающим смехом. И поднял вверх трясущийся палец.

Зрелище было не для слабонервных. Томас раскрасил папино лицо синим маркером. Папины глаза выглядели, словно ягоды крыжовника, из зеленовато-синего моря.

– Что?

Томас выскочил в коридор, откуда послышался его протестующий вопль:

– Мы смотрели «Аватар»! Он сказал, что не прочь стать аватаром!

У папы округлились глаза. Он подскочил к зеркалу на каминной полке. В комнате стало тихо.

– Господи боже мой!

– Бернард, не смей поминать имя Господа всуе!

– Джози, он покрасил меня в синий цвет, черт возьми! В таком виде я могу разве что поминать имя Господа на чертовом аттракционе в Батлинсе^[5]. Это перманентный маркер? ТОММИ! ЭТО ПЕРМАНЕНТНЫЙ МАРКЕР?!

– Пап, мы это смоем. – Трина закрыла за собой дверь в сад, откуда доносились жалобные завывания Томаса.

– Завтра я должен следить за установкой новой ограды в замке. Приедут подрядчики. Как, черт возьми, мне вести переговоры с подрядчиками, если я весь синий?! – Папа поплевал на ладонь и принялся тереть лицо. Краска только размазалась, теперь и по ладони. – Она не смывается. Джози, она не смывается!

Мама, переключившись с дедушки на папу, устроилась возле него с абразивной губкой в руках.

– Стой спокойно, Бернард! Я делаю все, что могу.

Трина отправилась за сумкой с ноутбуком:

– Пошарю в Интернете. Наверняка что-нибудь найдется. Зубная паста, или жидкость для снятия лака, или отбеливатель...

– Только через мой труп! Я не позволю мыть отбеливателем свое чертово лицо! – взревел папа.

Дедушка, с его новыми пиратскими усами, хихикал в углу комнаты. Я начала пробираться бочком мимо них.

Мама держала папу за подбородок левой рукой, а правой отчаянно оттирала краску. Мама повернулась ко мне, словно только что обнаружила мое присутствие:

– Лу! Я не успела спросить. Ты в порядке, дорогая? Хорошо прогулялась?

И все остановились, как на стоп-кадре, чтобы улыбнуться мне. Их улыбка словно говорила: «Все в порядке, Лу. Тебе не из-за чего волноваться». И я поняла, что ненавижу эту улыбку.

– Отлично!

Именно такого ответа они и ждали. Мама повернулась к папе:

– Великолепно. Бернард, разве это не великолепно?

– Да. Замечательные новости.

– Если разберешь свое белое белье, дорогая, я потом закину его в стирку вместе с папиным.

– На самом деле, – ответила я, – можешь не трудиться. Я тут подумала. Пожалуй, мне пора возвращаться домой.

Никто не произнес ни слова. Мама посмотрела на папу, у папы напряглась спина. Дедушка в очередной раз слабо хихикнул и прижал руку к губам.

– Что ж, вполне разумно, – произнес папа с достоинством, несколько неожиданным для пожилого мужчины с лицом черничного цвета. – Но если хочешь вернуться в ту квартиру, ты должна выполнить одно наше условие.

– Меня зовут Наташа. Мой муж умер от рака три года назад.

Дождливым вечером понедельника члены психологической группы поддержки тех, кто хочет двигаться дальше, сидели кружком на оранжевых офисных стульях в зале собраний церкви Пятидесятницы. Рядом с нашим руководителем Марком, высоким усатым мужчиной, буквально всеми порами источавшим черную меланхолию, стоял пустой стул.

– Я Фред. Моя жена Джилли умерла в сентябре. Ей было семьдесят четыре.

– Сунил. Мой брат-близнец умер от лейкемии два года назад.

– Уильям. Умер отец. Шесть месяцев назад. Честно говоря, все это несколько нелепо, так как, когда он был жив, мы с ним не слишком ладили. И я не перестаю спрашивать себя, зачем я здесь.

Я заметила, что в воздухе стоял специфический запах скорби. Запах сырости, плохо проветриваемых церковных залов и чайных пакетиков низкого качества. Пахло обедом на одного человека и окурками сигарет, выкуренных в одиночестве на городских балконах или на холодном ветру. Пахло лаком для волос и дезодорантом для подмышек; маленькие повседневные подвиги в борьбе с трясинной отчаяния. И уже один этот запах говорил мне, что я здесь лишняя, что бы я там ни обещала папе.

Я чувствовала себя самозванкой. Да и вообще, они все выглядели такими... *грустными*.

Я беспокойно поерзала на стуле, и Марк меня засек. Он кивнул и наградил меня ободряющей улыбкой. Мы знаем, словно хотел сказать он. Мы это уже проходили. Спорим, что нет, молча ответила я.

– Простите. Простите, я опоздал.

Дверь открылась, впустив поток теплого воздуха, и свободный стул занял неуклюжий подросток, явно не знавший, куда девать свои длинные конечности.

– Джейк. Тебя не было на прошлой неделе. Все в порядке?

– Простите. Папа закрутился на работе и не смог меня подвезти.

– Не волнуйся. Хорошо, что ты пришел. Ты знаешь, где напитки.

Мальчик оглядел комнату из-под длинной челки и на секунду замялся, когда его взгляд остановился на моей блестящей юбке. Я поспешно поставила на колени сумку – прикрыть юбку, и он отвернулся.

– Привет, мои дорогие. Я Дафна. Мой муж покончил жизнь самоубийством. Но не думаю, что это из-за того, что я вечно его пилила! – В отрывистом хохоте женщины явно сквозила боль. Она пригладила волосы и смущенно потупилась. – Мы были счастливы. Действительно были.

Мальчик сидел, засунув под себя руки.

– Джейк. Мама. Два года назад. Я ходил сюда весь прошлый год, потому что папа отказывается обсуждать мамину смерть, а мне надо хоть с кем-нибудь поговорить.

– Джейк, и как поживает твой папа? – спросил Марк.

– Неплохо. Я хочу сказать, что в прошлую пятницу он привел ночью женщину, а потом вроде бы сидел на диване, но не плакал. И это уже кое-что.

– Папа Джейка борется с горем по-своему, – заметил Марк, обращаясь ко мне.

– Трахается, – пояснил Джейк. – Тупо трахается. Как сексуальный маньяк.

– Эх, хотел бы я быть молодым! – мечтательно протянул Фред. Он был в рубашке

с галстуком. Фред был явно из тех мужчин, которые без галстука чувствуют себя раздетыми. – Думаю, это был бы чудесный способ пережить смерть Джилли.

– Двоюродная сестра подклеила мужика на похоронах моей тети, – сообщила сидевшая в углу женщина. Кажется, ее звали Линн. Точно не помню.

Она была маленькой, кругленькой, с густой челкой темно-каштановых, явно крашенных волос.

– Неужто прямо на похоронах?

– Она сказала, они отправились в мотель сразу после поминок. – Линн пожалала плечами. – Очевидно, это был эмоциональный всплеск.

Я попала в неподходящее место. Теперь я это ясно видела. И начала лихорадочно собирать вещи, попутно гадая, как лучше поступить: объявить о своем уходе или просто потихому свалить.

Но тут Марк повернулся ко мне и выжидающе улыбнулся.

Я ответила ему пустым взглядом.

Он поднял брови.

– Ой! Я? На самом деле... я собиралась уходить. Думаю, я... Словом, я хочу сказать, что не уверена, что...

– Ну, в первый день все хотят уйти, моя дорогая.

– Я тоже хотел уйти. Даже во второй и в третий раз.

– Это все печенье. Я постоянно твержу Марку, что надо покупать печенье получше.

– Просто изложи нам все в общих чертах. Расслабься. Ты среди друзей.

Они смотрели на меня, ждали. И я поняла, что не могу сбежать.

– Хм... Ладно. Ну, меня зовут Луиза, и человек, которого я... любила... умер в тридцать пять лет.

Кое-кто из сидевших в зале участливо кивнул.

– Слишком молодой. Луиза, когда это случилось?

– Двадцать месяцев назад. И неделя. И два дня.

– Три года, две недели и два дня, – улыбнулась мне Наташа.

Я слышала сочувственные шепотки. Сидевшая рядом Дафна погладила меня по ноге пухлой рукой в кольцах.

– Мы здесь уже неоднократно обсуждали, что, когда близкий человек умирает молодым, это особенно трудно пережить, – заметил Марк. – Как долго вы были вместе?

– Э-э-э... Мы... ну... чуть меньше шести месяцев.

Я поймала на себе удивленные взгляды.

– Хм... довольно непродолжительное знакомство.

– Уверен, боль Луизы от этого ничуть не меньше, – примирительно произнес Марк. – Луиза, а как он ушел?

– Куда ушел?

– В общем, умер, – подсказал Фред.

– Ой! Он... э-э-э... покончил жизнь самоубийством.

– Ты, наверное, испытала настоящий шок.

– Не совсем. Я знала, что он это планирует.

Есть особый тип тишины. Такая тишина повисает в комнате, когда вы говорите людям, считающим, будто они знают абсолютно все о смерти любимого человека, что это далеко не так.

Я перевела дыхание.

– Он задумал свести счеты с жизнью еще до нашего знакомства. Я попыталась его переубедить и не смогла. Поэтому я поехала с ним, ведь я любила его, и тогда это вроде бы имело смысл. Но сейчас мне так не кажется. Вот почему я здесь.

– Смерть всегда бессмысленна, – заявила Дафна.

– Если только ты не буддист, – сказала Наташа. – Я пытаюсь принять мировоззрение буддистов, но мне становится страшно, что Олаф вернется ко мне в виде мыши и я могу случайно его отравить. – Она передернула плечами. – Ведь приходится везде сыпать отраву. В нашем доме полным-полно мышей.

– И не надейся от них избавиться. Они совсем как блохи, – заметил Сунил. – На одну в поле зрения приходится сотня где-то притаившихся.

– Наташа, милочка, ты все же думай, что делаешь, – сказала Дафна. – А вдруг вокруг бегают сотни маленьких Олафов. И мой Алан тоже может оказаться среди них. Ты могла отравить их обоих.

– Ну, – встрял в разговор Фред, – если уж верить буддистам, то он вполне мог вернуться в виде кого-то еще. Разве нет?

– А что, если это муха или вроде того и Наташа ее тоже убила?

– Не хотел бы я вернуться в виде мухи, – поморщился Уильям. – Отвратительные черные волосатые создания.

– Я же не серийный убийца, – обиделась Наташа. – Тебя послушать, так я только тем и занимаюсь, что уничтожаю реинкарнированных мужей.

– Ну, та мышка действительно могла быть чьим-то мужем. Даже если она и не Олаф.

– По-моему, нам стоит попытаться вернуть разговор в более конструктивное русло, – устало потирая виски, произнес Марк. – Луиза, ты молодец, что решилась прийти сюда и поведать свою историю. Почему бы тебе не рассказать нам чуть-чуть побольше о том, как ты и... кто это был? – словом, как вы встретились? Ты здесь в кругу доверия. Не волнуйся. Мы дали обязательство, что наши истории не выйдут за пределы этих стен.

И тут я случайно перехватила взгляд Джейка. Он посмотрел на Дафну, затем на меня и едва заметно покачал головой.

– Мы познакомились на работе, – сказала я. – Его звали... Билл.

Несмотря на данное папе обещание, я решила больше не ходить на собрания психологической группы поддержки тех, кто хочет двигаться дальше. Но мое возвращение на работу было ужасным, и к концу дня я поняла, что сейчас меньше всего хочу оказаться в своей пустой квартире.

– Ты вернулась!

Карли поставила на барную стойку чашку кофе, взяла у посетителя, судя по виду какого-то бизнесмена, деньги и обняла меня, продолжая при этом одним стремительным движением кидать монеты в соответствующие отделения ящика кассы.

– Что, черт возьми, произошло? Тим сказал нам, будто с тобой стряслось несчастье. А потом он уволился, и я не знала, вернешься ли ты.

– Долго рассказывать, – ответила я и изумленно уставилась на нее. – Хм... А что это на тебе такое надето?

Понедельник, девять утра. Аэропорт – сплошное сине-серое расплывчатое пятно из пассажиров-мужчин, заряжающих ноутбуки, глядящих на экран айфонов, читающих

газеты или обсуждающих по телефону биржевые индексы.

– Да уж. Ну, за время твоего отсутствия кое-что изменилось.

Подняв голову, я обнаружила, что бизнесмен уже оказался по другую сторону барной стойки. Я удивленно покосилась на него и поставила сумку.

– Э-э-э... если вас не затруднит подождать меня в зале, я вас обслужу...

– Вы, должно быть, Луиза. – Он протянул мне руку. Его рукопожатие было небрежным и довольно холодным. – Я новый управляющий этого бара. Ричард Персиваль.

Я посмотрела на его прилизанные волосы, костюм, голубую рубашку. Интересно, и что это за бары такие, которыми он раньше управлял?

– Приятно познакомиться.

– Значит, вы та самая, что целых два месяца отсутствовала.

– Ну да. Я...

Он прошелся вдоль выставленных в ряд стаканов, обвел критическим взглядом буквально каждую бутылку.

– Хочу поставить вас в известность, что я отнюдь не фанат работников, бесконечно сидящих на больничном. – (Я вдруг почувствовала, что воротничок врезается в шею.) – Луиза, я просто... объясню вам свою позицию. Я не из тех управляющих, кто будет закрывать глаза на нарушения. Да, во многих компаниях в качестве поощрения персоналу даются отгулы. Но только не в тех компаниях, где работаю я.

– Уж можете мне поверить, я вовсе не считала последние девять недель отгулами в качестве поощрения.

Он обследовал нижнюю поверхность крана и задумчиво вытер ее большим пальцем. Мне пришлось собраться с духом, прежде чем начать говорить.

– Я упала с верхнего этажа. Если хотите, могу показать шрамы после операций. Чтобы вы, упаси господи, не подумали, что я захочу это повторить.

Он окинул меня изумленным взглядом:

– Ваш сарказм совершенно неуместен. Я отнюдь не утверждаю, что с вами может произойти очередной несчастный случай, но, если учесть, что вы проработали в нашей компании всего ничего, ваш отпуск по болезни кажется мне недопустимо длинным. Это все, что я хотел вам сказать. Чтобы вы взяли себе на заметку.

У него были запонки с гоночными машинами. Секунду-другую я их тупо разглядывала.

– Мистер Персиваль, ваше сообщение принято. В дальнейшем постараюсь избегать несчастных случаев с почти летальным исходом.

– И вам понадобится униформа. Если подождете пять минут, я принесу вам ее со склада. Какой у вас размер? Двенадцатый? Четырнадцатый?

– Десятый, – ответила я.

Он удивленно поднял брови. Я последовала его примеру. Когда он исчез в своем кабинете, Карли, стоявшая у кофемашины, послала ему вслед сладкую улыбку.

– Вот хреноплет, – процедила она.

И Карли не ошиблась. Начиная с самого первого момента, как я заступила на работу, Ричард Персиваль, выражаясь словами папы, прилип ко мне точно банный лист. Он снимал с меня мерки, исследовал каждый уголок в баре на предмет микроскопических крошек от арахиса, скрупулезно проверял выполнение гигиенических требований, собственноручно подсчитывал выручку и отпускал нас домой только тогда, когда сумма всех пробитых чеков

до последнего пенни сходилась с наличностью в кассе.

У меня больше не оставалось времени болтать с посетителями, проверять на мониторе время отправления, отдавать забытые паспорта, смотреть из огромного застекленного окна на взлетающие самолеты. Теперь я даже не успевала почувствовать раздражение при звуках «Кельтских свирелей Изумрудного острова», выпуск третий. Если посетителя не удавалось обслужить в течение десяти секунд, Ричард, как по мановению волшебной палочки, появлялся из кабинета, демонстративно вздыхая, а затем громко извинялся за то, что гостя заставили так долго ждать. Мы с Карли, обычно занятые в это время обслуживанием других клиентов, незаметно обменивались сердитыми и презрительными взглядами.

Первую половину дня он тратил на встречи с поставщиками, вторую – на телефонные разговоры с головным офисом, неся жуткую околесицу о посещаемости и затратах на одного клиента. Он заставлял нас втюхивать чуть ли не каждому посетителю более дорогие напитки и отчитывал, если мы этого не делали. Одним словом, радости было мало.

Но ко всем прочим неприятностям у нас еще появилась униформа.

Карли вошла в дамскую комнату, когда я уже заканчивала переодеваться, и встала рядом со мной перед зеркалом.

– Мы похожи на пару идиоток, – сказала она.

Какой-то маркетинговый гений, занимавший высшую ступень корпоративной лестницы, оказался недоволен черными юбками и белыми блузками, решив в результате, что национальные ирландские костюмы пойдут на пользу сети баров «Шемрок и клевер». Эти национальные ирландские костюмы определенно были придуманы тем, кто искренне верил, будто дублинские деловые женщины и кассирши из супермаркетов обычно ходят на работу в изумрудно-зеленых вышитых жилетах, гольфах и танцевальных туфлях со шнуровкой. Ну и в придачу в париках с локонами.

– Господи, если бы мой парень увидел меня в таком виде, он бы точно меня бросил! – Карли прикурила сигарету и забралась на раковину, чтобы нейтрализовать установленную на потолке пожарную сигнализацию. – Представляешь, поначалу он чуть было не попытался меня поиметь. Извращенец.

– Интересно, а что тогда должны надевать мужчины? – Я одернула короткую юбку и опасливо покосилась на зажигалку Карли, прикидывая, легко ли воспламенится новая одежда.

– Сама посуди. Из мужчин тут только один Ричард. И ему приходится носить эту жуткую рубашку с зеленым логотипом. Бедняга!

– И это все?! Что, никаких эльфийских остроносых туфель? Никаких шляп с высокой тульей, как у лепрекона?

– Надо же, как удивительно! Выходит, только мы, девочки, должны выглядеть на работе точно порнографические лилипутки.

– В этом парике я похожа на Долли Партон^[6] в молодости.

– Попробуй рыжий. Нам еще крупно повезло, что есть три цвета на выбор.

И тут мы услышали, что нас зовет Ричард. При звуках его голоса у меня рефлекторно скрутило живот.

– Так или иначе, я здесь точно не останусь. Я ему тут устрою «Риверданс». Прямиком на выход – и сразу на другую работу, – заявила Карли. – Пусть засунет чертов трилистник^[7] в свою тощую корпоративную задницу. – И, исполнив нечто такое, что я назвала бы ядовитой пародией на прыжок и подскок, Карли гордо покинула дамскую комнату.

Остаток дня я вздрагивала от постоянных разрядов статического электричества.

Собрание группы психологической поддержки закончилось в половине десятого. Я вышла на улицу и, вконец обессилив после трудного дня, вдохнула полной грудью влажный летний воздух. Потом стащила жакет – слишком жарко, – неожиданно поняв, что оголяться на глазах у незнакомых людей ничуть не позорнее, чем разгуливать в псевдоирландском танцевальном наряде.

Я не смогла говорить об Уилле, хотя другие говорили о своих утратах так, словно любимые люди по-прежнему были неотъемлемой частью их жизни и находились где-то совсем рядом.

– *О да, моя Джилли постоянно так делала.*

– *Не могу заставить себя стереть голосовое сообщение брата. Я должен время от времени слышать его голос, чтобы не забыть, как он звучит.*

– *Иногда я слышу, как он ходит в соседней комнате.*

А я даже не решалась произнести вслух имя Уилла. Их рассказы о семейных отношениях, о тридцати годах брака, об общих домах, детях и так далее заставляли меня чувствовать себя мошенницей. Ведь я ухаживала за ним всего шесть месяцев. Я любила его и проводила в последний путь. Но разве эти, в сущности, посторонние люди способны понять стремительную динамику наших отношений за каких-то шесть месяцев? Как объяснить им, почему мы без слов понимали друг друга? Почему у нас были свои шутки, свои секреты и своя, быть может, суровая правда? И как сильно эти короткие шесть месяцев изменили мое мироощущение? Ну и наконец, как ему удалось настолько заполнить мой мир, что без него он совсем опустел?

Да и вообще, какой смысл холить и лелеять свою скорбь? Словно постоянно расковыривать рану, не давая ей нормально заживать. Я знала, на что подписывалась. Я знала, какова была моя роль. Но какой смысл пережевывать это снова и снова.

Нет, хорошего понемножку. Ноги моей больше тут не будет. В чем я уже практически не сомневалась. А папе я найду что сказать.

Я медленно шла по парковке, шарила в сумочке в поисках ключей от машины и уговаривала себя, что по крайней мере сегодняшний вечер я не буду куковать в одиночестве перед телевизором, с ужасом думая о том, что уже через двенадцать часов хочешь не хочешь, а придется быть на работе.

– На самом деле его ведь звали не Билл, так?

Я удивленно подняла голову и обнаружила идущего рядом со мной Джейка.

– Да.

– Наша Дафна совсем как настоящая служба теле- и радионовостей в одном лице. Намерения у нее самые хорошие, но ты даже не успеешь произнести фразу «реинкарнация грызунов», как все, кто входит в круг ее общения, будут в курсе твоей истории.

– Спасибо, что предупредил.

Он ответил мне широкой ухмылкой и кивнул на мою юбку из люрекса:

– Кстати, клевый прикид. Очень подходит для групповых занятий со скорбящими.

Джейк остановился, чтобы завязать шнурок. Я тоже остановилась и, немного поколебавшись, сказала:

– Прими мои соболезнования по поводу своей мамы.

Джейк нахмурился:

– Не надо так говорить. Это как в тюрьме. Там у человека не положено спрашивать, за что он сидит.

– Правда? Ой, извини. Я не хотела...

– Расслабься. Я пошутил. Ладно, увидимся на следующей неделе.

Какой-то человек, стоявший прислонившись к мотоциклу, приветственно поднял руку. А когда Джейк подошел к нему, заключил мальчика в медвежьи объятия и поцеловал в щеку. Я даже застыла на месте от неожиданности. В наше время было непривычно видеть, чтобы отец на людях целовал сына, вышедшего из дошкольного возраста.

– Ну и как все прошло?

– Нормально. Как всегда. – Джейк кивнул в мою сторону. – Ой, а это... Луиза. Она новенькая.

Мужчина внимательно смотрел на меня, щурясь от лучей вечернего солнца. Высокий, широкоплечий, со сломанным носом и татуировками на правой руке, внешне смахивающий на бывшего боксера.

– Джейк, была рада познакомиться. До скорого. – Вежливо кивнув отцу Джейка, я помахала рукой и направилась к своей машине.

Но тут я поймала на себе пристальный мужской взгляд и почувствовала, что краснею.

– Вы та самая девушка.

Ох нет, подумала я, неожиданно замедлив шаг. *Только не здесь.*

Я уставилась под ноги, чтобы собраться с духом. Затем неохотно повернулась:

– Ладно. Как я уже объяснила во время знакомства с группой, мой друг привык сам принимать решения. А мне оставалось только поддерживать его. Но, честно говоря, это отнюдь не та тема, которую мне хотелось бы обсуждать прямо сейчас, тем более с незнакомым человеком.

Отец Джейка упорно продолжал меня рассматривать. Он даже заслонила глаза ладонью от солнца.

– Ну, я согласна, что такое не каждый способен понять. Но что было, то было. Сегодня я не в настроении обсуждать свой выбор. И вообще, я ужасно устала, у меня был еще тот денек, а теперь я просто хочу домой.

– Не знаю, о чем вы тут говорите, – склонив голову набок, сказал он. – Хромота. Просто я заметил, что вы хромаете. Вы ведь живете в районе новой застройки на Хай-стрит, да? Вы та самая девушка, что упала с крыши. Март. Апрель.

И я сразу узнала его.

– Ой... Вы были...

– Парамедик. Из той бригады, которая вас тогда подобрала. А я все гадал, что с вами потом стало.

У меня словно камень с души свалился. Я обвела глазами его лицо, волосы, руки, рефлекторно, совсем как собака Павлова, восстановив в памяти мельчайшие подробности – успокаивающие прикосновения его рук, звуки сирены, слабый запах лимона, – и облегченно вздохнула:

– Все хорошо. Ну, если честно, не совсем хорошо. У меня штифт в бедре, и новый босс – настоящий засранец, и я – сами видите – хожу на занятия группы психологической поддержки в сырой церковный зал вместе с людьми, которые реально, реально...

– Печальные, – подсказал Джейк.

– Бедро восстановится. И уж точно не помешает вашей танцевальной карьере.

У меня из груди вырвался отрывистый, хриплый смех.

– Ой нет! Нарядом я обязана новому боссу. Тому, который засранец. Обычно я так не одеваюсь. Ладно, проехали. Еще раз спасибо. Ух ты! – Я приложила руку ко лбу. – Надо же, как странно. Ведь вы меня спасли.

– Ужасно приятно снова вас видеть. Нам не часто удается узнать, что стало с нашими пациентами.

– Вы отлично поработали. Просто... Ну, вы были очень добры ко мне. И я этого никогда не забуду.

– De nada.

– Де – что?

– De nada. Испанский. Пустяки.

– Ну тогда беру свои слова назад. Спасибо за пустяки.

Он улыбнулся, отвернулся и вскинул руку. Рука у него была здоровенная.

Оглядываясь, я так и не поняла, что заставило меня его окликнуть.

– Эй!

– На самом деле меня зовут Сэм, – остановившись, сказал он.

– Сэм, я тогда действительно случайно упала.

– Вот и хорошо.

– Нет, правда. Понимаю, вы встретили меня на собрании группы психологической поддержки и все такое, но должна вам сказать, я никогда не стала бы бросаться с крыши.

Он окинул меня пронизательным взглядом много повидавшего на своем веку человека, которому не раз приходилось слышать подобные разговоры.

– Что ж, я рад.

С минуту мы просто стояли и смотрели друг на друга. Затем он помахал мне рукой:

– Был рад повидаться с вами, Луиза.

Он надел шлем, Джейк взобрался на сиденье за его спиной. И я поймала себя на том, что провожаю глазами отъезжающий мотоцикл. А поскольку я продолжала смотреть, то заметила, как Джейк, надевая шлем, удивленно округлил глаза. А затем я вспомнила, что он говорил на той встрече.

Сексуальный маньяк.

– Идиотка, – сказала я себе и похромала по горячему асфальту туда, где моя машина потихоньку варилась на вечернем солнце.

Я жила на окраине Сити. А на случай, если я в этом сомневалась, прямо через дорогу был вырыт огромный котлован, окруженный строительным забором, на котором было написано: «ФАРТИНГЕЙТ. ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ СИТИ». Мы находились именно в той самой точке, где к храмам из сверкающего стекла, возведенным для поклонения золотому тельцу, притулились убогие кирпичные дома, в которых разместились магазинчики с восточными пряностями и круглосуточные бакалейные лавки, стриптиз-бары и непотопляемые конторы заказа такси. Мой многоквартирный дом стоял в окружении складского типа зданий, удивленно и с опаской смотревших на победное наступление стекла и стали; их единственной надеждой на спасение были джус-бары для хипстеров и временные магазины, торгующие в розницу. Я никого тут не знала, за исключением Самира, хозяина круглосуточного магазинчика, и женщины из булочной; эта женщина всегда приветливо улыбалась, но, похоже, не говорила по-английски.

Вообще-то, такая анонимность меня вполне устраивала. Ведь я переехала сюда, в конце-то концов, чтобы спрятаться от прошлого, от неприятного чувства, будто окружающие знают обо мне буквально все, что можно знать. Но большой город начал постепенно меня менять. Я мало-помалу познакомилась с тем его уголком, который выбрала для себя, с его ритмом жизни и подводными камнями. Я усвоила, что, если дать денег алкашу на автобусной станции, он уже от тебя не отстанет, поселится под дверью твоей квартиры на ближайшие восемь недель. Я усвоила, что ночью идти по своему кварталу разумнее всего с крепко зажатыми между пальцами ключами и что, если приходится выходить после полуночи за бутылкой вина, разумнее всего не смотреть в сторону компании парней, меняющих деньги возле «Кебаб корнер». Я научилась спать под несмолкаемый гул полицейского вертолета над головой.

И я смогла выжить. Ну а кроме того, я лучше, чем кто-либо другой, знала, что в жизни случаются вещи и похуже.

– Привет.

– Привет, Лу. Ну что, опять не спится?

– Здесь еще только десять вечера.

– Так в чем дело?

Натан, бывший физиотерапевт Уилла, последние девять месяцев провел в Нью-Йорке, пользуясь директора крупной корпорации – мужчину средних лет, с отличной репутацией на Уолл-стрит, четырехэтажным особняком и миозитом. Звонить Натану по ночам во время приступов бессонницы уже вошло у меня в привычку. Ведь так приятно сознавать, что где-то, пусть далеко, есть человек, который тебя понимает, хотя во время беседы с ним я иногда и чувствовала легкие уколы зависти. *Все, кроме меня, смогли двигаться дальше. Все, кроме меня, чего-то достигли.*

– Ну и как там Большое Яблоко?

– Неплохо? – С его новозеландским акцентом все утвердительные предложения звучали как вопросительные.

Я улеглась на диван, положив ноги на спинку.

– Угу. Нельзя сказать, что твой ответ слишком информативен.

– Ладно. Мне подняли зарплату. И это здорово. Через пару недель собираюсь слетать домой, навестить своих стариков. Уже заказал билеты. Что тоже очень хорошо. Они на седьмом небе от счастья, потому что сестра родила ребенка. Ой, и я познакомился с классной телкой в баре на Пятой авеню, и мы с ней отлично поладили, но, когда я пригласил ее на свидание, она спросила, чем я занимаюсь, и сказала, что встречается только с парнями, которые ходят на работу в костюме. – Натан весело рассмеялся.

Я тоже невольно улыбнулась:

– Значит, медицинский халат ее не устраивает?

– Выходит, что так. Хотя она и заявила, что если бы я был настоящим доктором, то она, быть может, еще подумала бы. – Он снова засмеялся. Его хладнокровию можно было только позавидовать. – Девушки такого сорта становятся очень говнистыми, если ты не водишь их по крутым ресторанам и все такое. Так что лучше об этом сразу узнать. А как ты?

– Живу потихоньку. Типа того, – пожала я плечами.

– Ты по-прежнему спишь в его футболке?

– Нет. Она им больше не пахнет. И если честно, уже стала слегка пованивать. Я выстирала ее и завернула в папиросную бумагу. Но для совсем плохих дней у меня остался его джемпер.

– Хорошо, когда под рукой есть хоть что-то, за что можно зацепиться.

– Да, и я теперь хожу на групповую психотерапию.

– Ну и как тебе?

– Жуть! Я чувствовала себя мошенницей. – Натан терпеливо ждал, пока я поправляла подушку под головой. – Натан, а что, если я сама себя накручиваю? Иногда мне кажется, что я вообразила себе то, чего между нами не было. Как можно было так безумно полюбить человека за такое короткое время? И вообще, когда я думаю о нас с Уиллом, то у меня невольно возникает вопрос: мы действительно любили друг друга или все дело в аберрации памяти? И чем больше проходит времени, тем сильнее мне начинает казаться, что эти шесть месяцев просто странный... сон.

– Тебе это не приснилось, подруга, – немного помолчав, произнес Натан.

Я потеряла покрасневшие глаза:

– Неужели я только одна такая? Кто до сих пор так сильно тоскует по нему?

Натан снова помолчал.

– Не-а. Он был хорошим парнем. Можно сказать, лучшим.

Вот это-то мне и нравилось в Натане. Он спокойно относился к длинным паузам в телефонных разговорах. Я села и высморкалась.

– Так или иначе, я не уверена, что буду посещать занятия. Похоже, групповая психотерапия не для меня.

– Лу, но попробовать все же стоит. Нельзя судить, поможет это тебе или нет, по одному занятию.

– Ты говоришь совсем как мой папа.

– А что? В здравом смысле ему не откажешь.

Я подскочила от звонка в дверь. Единственной, кто за все это время позвонил в мою дверь, была миссис Неллис из двенадцатой квартиры, которая как-то раз принесла мне мою корреспонденцию, когда почтальон перепутал нашу почту. Но сейчас я сомневалась, что в столь поздний час она еще бодрствует. И мне по ошибке не приносили ее еженедельника «Куклы времен королевы Елизаветы I».

В дверь снова позвонили. А затем в третий раз, очень настойчиво.

– Мне надо идти. Кто-то ломится ко мне.

– Не вешай носа, подруга! Все будет хорошо.

Я положила телефон и осторожно поднялась. У меня тут не было друзей. И я еще не успела придумать, как обзавестись друзьями, если ты переехал в новый район и до вечера занят на работе. А если бы родители решили внезапно нагреть, чтобы отвезти меня обратно в Стортфолд, они сделали бы это днем, поскольку никто из них не любил водить машину в темноте.

Я продолжала ждать, в глубине души надеясь, что звонивший поймет свою ошибку и уйдет. Но звон продолжался, пронзительный и непрерывный, словно стоявший за дверью прислонился к звонку плечом.

Тогда я встала и подошла к двери:

– Кто там?

– Мне надо с вами поговорить.

Девичий голос. Я глянула в глазок. Девушка смотрела себе под ноги, поэтому я успела разглядеть лишь длинные светло-каштановые волосы и мешковатую кожаную куртку. Девушка слегка покачивалась и терла нос. Пьяная?

– Думаю, вы ошиблись квартирой.

– Вы Луиза Кларк?

Я замерла.

– Откуда вам известно мое имя?

– Мне надо с вами поговорить. Не могли бы вы просто открыть дверь?

– На дворе уже ночь. Половина одиннадцатого.

– Угу. Вот почему мне не хотелось бы отсвечивать на лестнице.

Но я колебалась. Я уже достаточно давно здесь жила и знала, что нельзя открывать дверь незнакомым. В этом районе города тебе в квартиру вполне мог позвонить случайный наркоман, чтобы попросить денег. Но эта девочка говорила вполне грамотно и явно не принадлежала к асоциальным элементам. И была очень молодой. Слишком молодой для журналистки, которую могла зацепить история бывшего финансового гения, решившего покончить жизнь самоубийством. Слишком молодой, чтобы так поздно гулять. Я склонила голову набок, пытаясь разглядеть, нет ли рядом с ней кого-нибудь еще. Вроде бы нет.

– Ты можешь сказать, что тебе от меня нужно?

– Но только не здесь.

Я открыла дверь, насколько позволяла цепочка, оказавшись лицом к лицу с непрошеной гостьей.

– Нет, так дело не пойдет. Я не буду разговаривать через порог.

Судя по детской пухлости щек, ей явно было не больше шестнадцати. Длинные блестящие волосы. Долговязая, тощие ноги обтянуты черными джинсами. Дурацкая подводка для глаз, а личико хорошенькое.

– Итак... Как, ты сказала, тебя зовут? – спросила я.

– Лили. Лили Хотон-Миллер, – вздернув подбородок, сказала она. – Послушайте, я хочу поговорить с вами о своем отце.

– По-моему, ты меня с кем-то путаешь. Я не знаю никого по имени Хотон-Миллер. Должно быть, тебе нужна какая-то другая Луиза Кларк.

Я попыталась закрыть дверь, но она сунула в щель носок туфли. Я возмущенно

вытаращилась на юную нахалку.

– Его вовсе не так зовут, – произнесла она с таким видом, будто говорила с законченной debilкой, а когда продолжила, глаза ее загорелись яростным огнем. – Его зовут Уилл Трейнор.

Лили Хотон-Миллер стояла посреди моей гостиной и разглядывала меня с беспристрастным интересом ученого, изучающего новый вид навозного червя.

– Ух ты! А что это на вас такое надето?

– Я... я работаю в ирландском пабе.

– Танцуете на шесте? – Явно потеряв ко мне интерес, она медленно развернулась и обвела глазами комнату. – Вы что, действительно здесь живете? А где ваша мебель?

– Я... только что переехала.

– Один диван, один телевизор, две коробки книг? – Она кивнула на стул, на котором я сидела, пытаясь отдышаться и переварить услышанное.

Я встала:

– Пойду налью себе выпить. Ты чего-нибудь хочешь?

– Кока-колу. Если, конечно, у вас не найдется вина.

– А сколько тебе лет?

– А почему вас это интересует?

– Ничего не понимаю... – Я остановилась у кухонного прилавка и растерянно покачала головой. – У Уилла не было детей. А иначе я непременно бы об этом знала. – Я нахмурилась, внезапно заподозрив подвох. – Это что, какая-то шутка?

– Шутка?

– Мы с Уиллом много говорили. Он бы мне точно сказал.

– Ага. Выходит, что нет. И мне нужно поговорить о нем с кем-нибудь, кто не будет впадать в истерику при упоминании его имени, как все остальные члены моей семьи. – Она взяла с каминной полки открытку от мамы и снова положила на место. – Я бы не сказала, что это шутка. Хотя нет. Мой настоящий папа – какой-то печальный калека в инвалидном кресле. Типа даже смешно.

Я протянула ей стакан воды:

– Но кто... кто твои родители? Я имею в виду, кто твоя мама?

– А у вас, случайно, нет сигаретки? – Она принялась расхаживать туда-сюда по комнате, трогая все подряд, беря в руки мои немногочисленные личные вещи и снова возвращая их на место. Когда я покачала головой, она сказала: – Мою маму зовут Таня. Таня Миллер. Она замужем за моим отчимом, которого зовут Фрэнсис Тупой Урод Хотон.

– Милое имя.

Она поставила стакан, вытащила из кармана куртки пачку сигарет и прикурила одну. Я хотела сказать, что у меня дома не курят, но от растерянности не нашла подходящих слов, а потому просто открыла окно.

Я не могла оторвать от нее глаз. Сейчас, приглядевшись повнимательнее, я действительно заметила некое сходство с Уиллом. Те же голубые глаза, тот же карамельный цвет волос. Знакомая манера вздергивать подбородок при разговоре, знакомый немигающий взгляд. А может, я просто видела то, что мне хотелось видеть? Она посмотрела в окно на улицу внизу, явно думая о чем-то своем.

– Лили, прежде чем мы продолжим, я бы хотела кое-что...

– Я знаю, что он умер. – Она сильно затянулась и выпустила в потолок струйку дыма. – Одним словом, вот как я это выяснила. По телевизору показывали документальный фильм об эвтаназии, и они упомянули его имя, мама вдруг ни с того ни с сего начала истерить и кинулась в ванную, Урод пошел за ней, а я осталась слушать под дверь. Мама была просто в шоке, ведь она понятия не имела, что он оказался в инвалидном кресле. Я все слышала. Конечно, нельзя сказать, будто я не знала, что Урод не мой биологический отец. Мама говорила, что мой биологический отец был настоящим засранцем и даже слышать обо мне не хотел.

– Уилл не был... засранцем.

Она передернула плечами:

– По рассказам, выходит вроде бы так. Но в любом случае, когда я пыталась задавать ей вопросы, она начинала психовать и говорить, что я знаю все, что мне положено знать, и что Урод Фрэнсис стал для меня прекрасным отцом, таким, каким Уиллу Трейнору и не снилось, и что вообще тема закрыта.

Я сделала глоток воды. Мне еще никогда так сильно не хотелось выпить.

– Ну и что ты сделала?

Она пожала плечами и снова затянулась сигаретой.

– Я, естественно, прогуглила его. И нашла вас.

Мне надо было побыть одной. Надо было переварить услышанное. Слишком много для одного раза. Новости просто свалили меня с ног. Я не знала, что и думать об этой ершистой девушке, разгуливавшей по моей гостиной и буквально наэлектризовавшей воздух вокруг.

– Значит, он совсем обо мне ничего не говорил, да?

Я во все глаза смотрела на ее балетки, жутко потрепанные, словно их хозяйка исходила в них вдоль и поперек все лондонские улицы. И у меня вдруг возникло такое чувство, будто меня пытаются посадить на крючок.

– Лили, сколько тебе лет?

– Шестнадцать. А я хоть немножечко на него похожа? Я видела снимки в «Гугле», но, может, у вас есть его фото? – Она обвела глазами гостиную и остановила взгляд на сложенных в углу коробках. – А что, вы еще не распаковали ваши фотографии?

Она покосилась на сложенные в углу картонные коробки. А что, если она начнет рыться в моих вещах и найдет джемпер Уилла? Я почувствовала приступ паники.

– Хм. Лили. Слишком уж много впечатлений для одного вечера. И если ты та, за кого себя выдаешь, тогда... нам есть о чем поговорить. Но сейчас уже почти одиннадцать, так что давай отложим разговор на более удобное время. А где ты живешь?

– Сент-Джонс-Вуд.

– А... Хм... Твои родители, должно быть, уже волнуются. Почему бы тебе не оставить свой номер телефона, чтобы мы...

– Я не могу идти домой. – Она повернулась к окну и отработанным щелчком пальцев выкинула окурок в окно. – Откровенно говоря, я... мне не следовало здесь находиться. По идее, я должна быть в школе. Я учусь в пансионе. Они уже наверняка меня обыскались. – Она вытащила телефон, посмотрела на экран и, сердито нахмурившись, сунула телефон обратно в карман.

– Ну, я... не знаю, чем еще могу быть тебе полезна...

– Я тут подумала, может, мне лучше остаться здесь. Хотя бы на эту ночь? И тогда вы смогли бы еще кое-что о нем рассказать.

– Остаться здесь?! Нет. Нет. Прости, но это невозможно. Я ведь тебя совсем не знаю.

– Но зато вы знали моего папу. Вы действительно считаете, будто он был не в курсе, что у него есть дочь?

– Тебе пора домой. Послушай, давай позвоним твоим родителям. Чтобы они за тобой приехали. Давай так и сделаем, а я...

Она негодуяще уставилась на меня:

– Я думала, вы мне поможете.

– Лили, я обязательно тебе помогу. Но это не дело...

– Значит, вы мне не верите, да?

– Я понятия не имею, чем могу...

– Вы просто не хотите помочь. Вы ничего не хотите делать. И разве вы хоть что-нибудь рассказали мне о папе? Ничего. И разве вы мне хоть как-то помогли? Нет. Спасибоочки.

– Да ладно тебе... Это несправедливо... Мы ведь только...

Но она швырнула в окно очередной окурочек, круто развернулась и вышла из комнаты.

– Что? Куда ты идешь?

– Ой, вам-то что за печаль? – ответила она, и прежде чем я успела открыть рот, входная дверь с шумом захлопнулась. Лили исчезла.

Я неподвижно сидела на диване, пытаюсь осмыслить произошедшее, голос Лили еще долго продолжал звучать у меня в ушах. Я не ослышалась? Я снова и снова, несмотря на гул в голове, мысленно прокручивала слова Лили.

Моим отцом был Уилл Трейнор.

Мама Лили, очевидно, сказала ей, что Уилл не захотел признавать дочь. Нет, он непременно сказал бы мне, будь он в курсе. У нас не было друг от друга секретов. Ведь мы могли говорить обо всем на свете, ведь так? И все же меня раздирали сомнения. А что, если вопреки моим ожиданиям Уилл не был со мной до конца откровенен? Неужели он был способен напрочь выкинуть из головы тот факт, что у него есть дочь?

Когда я поняла, что горькие мысли назойливо крутятся в голове, я сдалась и взяла в руки ноутбук. Уселась по-турецки на диван и набрала в поисковике: «Лили Хоутон-Миллер», но, не получив результата и попробовав несколько вариантов написания фамилии своей гостьи, остановилась наконец на «Лили Хотон-Миллер», после чего поисковик выдал мне результаты хоккейных матчей, опубликованные школой под названием «Аптон Тилтон» в графстве Шропшир. Я открыла картинки – и пожалуйста, Лили собственной персоной: серьезная девочка в строю улыбающихся юных хоккеисток. «Лили Хотон-Миллер отважно, хотя и не слишком удачно, играла в защите». Снимок двухлетней давности. Школа-пансион. Ну да, она говорила, что сейчас должна была быть в пансионе. Но это еще отнюдь не означало, что Лили имеет какое-то отношение к Уиллу или что ее мать действительно говорила правду о том, чья она дочь.

Тогда я сузила поиск до «Хотон-Миллер» и нашла короткую заметку о посещении Фрэнсиса и Тани Хотон-Миллер банкета в отеле «Савой», а также датированный годом раньше запрос на получение разрешения на строительство винного погреба в доме в Сент-Джонс-Вуде.

Немного подумав, я набрала «Таня Миллер» и «Уильям Трейнор» и неожиданно попала

на страницу в «Фейсбуке», открытую восемнадцать месяцев назад выпускницами Университета Дарема, где несколько женщин, имена которых почему-то заканчивались на «елла»: Эстелла, Фенелла, Арабелла, – обсуждали смерть Уилла.

Я не поверила, когда узнала об этом из выпуска новостей.

Из всех людей именно – он! Покойся с миром, Уилл.

Жизнь прожить – не поле перейти. Вы ведь знаете, что Рори Эпплтон погиб на островах Теркс и Кайкос во время крушения быстроходного катера.

Изучал географию? Рыжеволосый такой?

Нет, философию, политику, экономику.

По-моему, я с ним целовалась на балу для первокурсников. Огромный язык.

Фенелла, я вовсе не нахожу это смешным. Это неприлично.

И вообще, бедняга уже умер.

А разве не Уилл Трейнор гулял с Таней Миллер весь последний курс?

Не понимаю, почему это неприлично говорить о том, что я, возможно, целовалась с кем-то, лишь потому, что ему было суждено умереть.

Я вовсе не заставляю тебя переписывать историю. А вдруг это прочтет его жена и ей будет неприятно узнать, что ее незабвенный лизался с какой-то девицей из «Фейсбука».

Уверена, она знает, что у него был огромный язык. Она ведь была его женой.

Рори Эпплтон был женат?

Таня вышла замуж за какого-то банкира. Мне всегда казалось, что они с Уиллом непременно поженятся. Роскошная пара.

Я кликнула на ссылку, и тут же выскочила фотография улыбающейся блондинки, тонкой как тростинка, с высокой прической; она стояла на ступенях бюро регистрации с темноволосым мужчиной постарше. А несколько поодаль виднелась хмурая девочка в тюлевом платье. Девочка определенно напоминала Лили Хотон-Миллер, с которой я только что познакомилась. Но фотография была семилетней давности, и, по правде говоря, на ней могла быть запечатлена любая другая надутая юная подружка невесты с длинными светло-каштановыми волосами.

Я еще раз прочитала материал и закрыла ноутбук. И что теперь прикажете делать? Если она действительно дочь Уилла, может, следует связаться со школой? Хотя я не сомневалась, что в подобных закрытых заведениях определенно существуют свои правила относительно незнакомцев, интересующихся девочками-подростками.

А вдруг это какая-то афера? Ведь Уилл был весьма состоятельным человеком. А потому идея о том, что кто-то разработал хитроумный план, чтобы развести семью Уилла на деньги, отнюдь не лишена вероятности. Когда папин приятель Чоки умер от сердечного приступа, семнадцать человек заявили на поминки, чтобы сообщить вдове, что он проспорил им деньги.

Нет, надо быть предельно осторожной. Один неверный шаг – и я снова окунусь в пучину боли и страданий.

Но когда я легла в кровать, мне показалось, будто голос Лили эхом разносится по пустой квартире.

Моим отцом был Уилл Трейнор.

– Простите, у меня будильник не сработал. – Я пулей пролетела мимо Ричарда, одергивая на ходу синтетическую юбку.

– Вы опоздали на сорок пять минут. Это неприемлемо.

Восемь тридцать утра. И как я успела заметить, мы с Ричардом были единственными живыми людьми в баре.

Карли уволилась. Причем даже не потрудилась сообщить об этом Ричарду лично. Она просто послала ему эсэмэску, что забросит чертову униформу в конце недели, и так как ей задолжали плату за чертов двухнедельный отпуск, она предлагает взять это в зачет тех двух недель, которые необходимо отработать после подачи заявления об уходе. «Если бы она потрудилась изучить должностную инструкцию для персонала, – бушевал Ричард, – то наверняка бы знала, что брать неиспользованный отпуск в зачет отработки абсолютно неприемлемо. Смотри раздел третий, все ясно как божий день, ЕСЛИ БЫ она потрудилась заглянуть в текст. И чертыхаться также абсолютно неприемлемо».

Теперь ему придется совершить ряд официальных процедур, предусмотренных для поиска замены.

Что означало: пока не будут закончены эти самые процедуры, работать придется только мне. И Ричарду.

– Простите. У меня кое-какие... проблемы дома.

Я резко проснулась в семь тридцать, в течение нескольких минут пытаюсь вспомнить, в какой стране нахожусь и как меня зовут. А потом я тупо лежала в постели, не в состоянии пошевелиться, и перебирала в памяти события вчерашнего вечера.

– Хорошие работники не тащат за собой домашние проблемы на рабочее место, – пропел Ричард, протискиваясь мимо меня с блокнотом в руках.

Я смотрела ему вслед, раздумывая над тем, есть ли у него вообще дом. Похоже, он проводил там не слишком много времени.

– Ага. Ну, хороший начальник не заставляет своих подчиненных носить униформу, которую даже стриптизерши сочли бы слишком вульгарной, – пробормотала я, выстукивая на кассовом аппарате код, а свободной рукой поправляя подол юбки с люрексом.

Он резко развернулся и подошел ко мне:

– Что вы сказали?

– Ничего.

– Нет, я не глухой.

– Я сказала, что непременно учту на будущее. Спасибо, что напомнили, – сладко улыбнулась я Ричарду.

Он задержал на мне взгляд на несколько секунд дольше, чем требовалось, а затем сказал:

– Уборщица опять заболела. Поэтому, прежде чем встать за стойку бара, вам придется убрать мужской туалет.

Его взгляд был упорным, он словно бросал мне вызов, заставляя хоть что-то сказать. Я мысленно напомнила себе, что не могу потерять эту работу.

– Ладно, – сглотнула я.

– Кстати, в третьей кабинке небольшой беспорядок.

– Чудненко, – бросила я.

Он развернулся и удалился к себе в кабинет. И пока он шел, я мысленно посылала ему вслед огненные стрелы вуду.

– Сегодня собрание нашей группы посвящено чувству вины. За то, что остался жить, за то, что сделал недостаточно... Именно чувство вины обычно и мешает нам двигаться дальше.

Марк подождал, пока мы не пустим по кругу жестяную коробку с печеньем, и наклонился всем телом вперед, напряженно сжав руки. Он проигнорировал тихий гул недовольства, вызванный явно не сливочным печеньем «Бурбон».

– Я был так несдержан с Джилли, – нарушил тишину Фред. – Я имею в виду, когда у нее началась старческая деменция. У нее появилась привычка ставить грязные тарелки в кухонный шкаф, а я находил их спустя несколько дней... и, стыдно сказать, кричал на нее. – Он вытер глаза. – Ведь раньше она была безупречной хозяйкой. И это хуже всего.

– Фред, тебе пришлось долгие годы терпеть деменцию Джилли. И надо быть сверхчеловеком, чтобы не испытывать чудовищного напряжения.

– Грязные тарелки хоть кого могут свести с ума, – заметила Дафна. – Наверное, я тоже орала бы что-нибудь ужасное.

– Но ведь в том не было ее вины, ведь так? – Фред поерзал на стуле. – Теперь я постоянно думаю об этом. Мне хочется повернуть время вспять. Надо было просто вымыть тарелки и ничего ей не говорить. А вместо того чтобы кричать, крепко ее обнять.

– А я ловлю себя на фантазиях о мужчинах в метро, – призналась Наташа. – Иногда я, спускаясь по эскалатору, переглядываюсь с кем-нибудь, кто поднимается. С первым встречным мужчиной. А затем, еще не успев дойти до платформы, я начинаю выстраивать в голове наши отношения. Ну, вы понимаете, типа он бежит за мной вниз по эскалатору, так как знает, что между нами возникла некая магическая связь, и вот мы стоим и смотрим друг на друга среди толпы на линии Пикадилли, а затем отправляемся вместе выпить, и не успеваешь оглянуться, как...

– Похоже на фильмы Ричарда Кертиса, – заметил Уильям.

– Мне нравятся фильмы Ричарда Кертиса, – сказал Сунил. – Особенно фильм об актрисе и том мужчине в штанах.

– «Шепердс-Буш», – сказала Дафна.

Возникла короткая пауза.

– Дафна, полагаю, ты имела в виду «Ноттинг-Хилл», – улыбнулся Марк.

– А мне больше нравится версия Дафны. Ну что? – фыркнул Уильям. – Что, уж и посмеяться нельзя?

– ...А потом я представляю, что мы женимся, – продолжила Наташа. – Но затем, когда мысленно я уже стою перед алтарем, меня вдруг словно током пронизывает: «Что я делаю?! Олаф умер всего три года назад, а я уже фантазирую о других мужчинах».

Марк откинулся на спинку стула:

– А ты не находишь, что после трех лет жизни в одиночестве это вполне естественно? Фантазировать о других мужчинах?

– Но если бы я действительно любила Олафа, то вряд ли стала бы думать о ком-то еще.

– Мы живем не в Викторианскую эпоху, – заметил Уильям. – И ты не обязана до окончания века носить траур по усопшему мужу.

– Но если бы я умерла первой, мне бы не хотелось, чтобы Олаф в кого-то влюбился.

– Да ты все равно не узнаешь, – бросил Уильям. – Ты ведь будешь уже на том свете.

– А как насчет тебя, Луиза? – Марк заметил, что я молчу. – Тебя мучает чувство вины?

– А нельзя ли... Нельзя ли поговорить о чем-нибудь другом?

– Я католичка, – заявила Дафна. – И чувство вины возникает у меня постоянно. Это все монахини, ну, вы знаете.

– Луиза, а чем тебе неприятна сегодняшняя тема?

– Милочка, а тебя что, тоже воспитывали в монастыре?

Я сделала глоток кофе, ощущая на себя взгляды присутствующих. *Ну давай же!* Я тяжело сглотнула:

– Тем, что я не смогла его остановить. Иногда мне кажется, если бы я была поумнее... Или отнеслась бы ко всему по-другому... Или была бы лучше... Ну, я не знаю. Наверное, лучше во всем.

– Ты винишь себя в смерти Билла, потому что веришь, будто могла бы его остановить?

Я потянула за вылезшую из подола нитку. И когда нитка оказалась у меня в руках, я почувствовала, что одновременно освободилась от неких внутренних запретов.

– А еще в том, что мой образ жизни далек от того, что я ему обещала. Я чувствую себя виноватой в том, что он фактически оплатил мне покупку квартиры, тогда как моя сестра никогда не сможет позволить себе собственное жилье. И в том, что мне не нравится моя квартира, ведь я не чувствую ее своей. Я даже не хочу навести там уют, поскольку она ассоциируется у меня с тем фактом, что У... Билл умер, а я в каком-то смысле осталась в выигрыше.

– Ты не должна мучиться угрызениями совести из-за недвижимости, – нарушила воцарившуюся тишину Дафна.

– Я бы не отказался, чтобы кто-нибудь оставил мне квартиру, – сказал Сунил.

– Но вам не кажется, будто это слишком уж сказочный конец? Человек умирает, каждый извлекает из этого определенный урок, двигается дальше и даже в результате получает чудесную награду. – Теперь я говорила не думая. – Но я ничего не сумела сделать. Провалилась по всем статьям.

– А мой папа как с кем-нибудь переспит, так сразу плачет, потому что это не мама, – выпалил Джейк, глядя на нас из-под падавшей на глаза челки. – Он охмуряет женщин, чтобы уложить их в постель, а затем страдает и кается. словно если он будет испытывать чувство вины после секса, то тогда все о'кей.

– Значит, ты считаешь, что чувство вины служит ему некой опорой в жизни?

– Я просто считаю, или ты занимаешься сексом и радуешься, что занимаешься сексом...

– Вот я бы точно не чувствовал себя виноватым, если бы занимался сексом, – не выдержал Фред.

– Или ты относишься к женщинам по-человечески и тогда не мучаешься угрызениями совести. Или ты вообще ни с кем не спишь и трепетно хранишь память о маме до тех пор, пока реально не будешь готов двигаться дальше. – При слове «трепетно» голос Джейка сломался, и он стиснул зубы.

К этому времени мы уже успели привыкнуть к тому, что время от времени у членов нашей группы неожиданно каменеют лица, и, следуя негласному кодексу чести, поспешно отворачивались, чтобы, не дай бог, не увидеть непрошеную слезу.

– Джейк, а ты говорил папе о том, что чувствуешь? – ласково спросил Марк.

– Мы с ним не говорим о маме. Понимаете, с ним все в порядке, пока мы не упоминаем ее имени.

– Тебе наверняка тяжело нести в одиночку такую ношу.

– Угу. Ну... вот потому-то я и здесь. Ведь так?

На секунду в комнате стало тихо.

– Джейк, солнышко, скушай печенье, – наконец сказала Дафна, и мы снова пустили коробку по кругу, слегка успокоившись, когда Джейк взял печенюшку.

Я продолжала думать о Лили. И даже пропустила мимо ушей исповедь Сунилы о рыданиях в кондитерском отделе супермаркета, но успела вовремя сделать сочувственное лицо после рассказа Фреда о том, как он, надув множество воздушных шариков, в одиночестве справлял день рождения Джилли. Теперь, спустя несколько дней, та встреча с Лили уже начинала казаться мне сновидением, ярким и сюрреалистическим.

Откуда у Уилла могла взяться дочь?

– Вы сегодня какая-то невеселая.

Я шла по парковке к своей машине и, наткнувшись на отца Джейка, стоявшего возле своего мотоцикла, остановилась прямо напротив него.

– У нас были занятия по излечению скорби. И вряд ли можно ожидать, что я прямо на пороге исполню чечетку.

– Что ж, вполне справедливо.

– Это не то... что вы думаете. Я хочу сказать, дело не во мне. А в... одном подростке.

Он поискал глазами оставшего от меня Джейка:

– Ладно. Тогда я вам сочувствую. Хотя, с вашего позволения, вы явно слишком молоды, чтобы иметь ребенка подросткового возраста.

– Ой, что вы! Она не моя. Просто все... так запутанно.

– Я с удовольствием дал бы вам хороший совет. Но не знаю, в чем суть дела. – Он сделал шаг вперед, заключив Джейка в объятия, мальчик скорчил недовольную мину, но стерпел.

– Ну как, молодой человек, ты в порядке?

– Отлично.

– Отлично, – покосившись на меня, повторил Сэм. – Ну вот, опять двадцать пять. Стандартный ответ подростка на любой вопрос. Война, голод, выигрыш в лотерею, мировая слава. И все просто отлично.

– Сегодня меня не надо забирать. Я иду к Джулс.

– Может, все-таки тебя подкинуть?

– Она живет вон в том доме, – показал Джейк. – Я как-нибудь и сам дойду.

У Сэма на лице не дрогнул ни один мускул.

– Может, в следующий раз пошлешь мне эсэмэску? Чтобы я не тащился через весь город и не тратил понапрасну время.

Джейк передернул плечами и пошел вперед, закинув рюкзак на спину. Мы молча проводили его глазами.

– Ну что, увидимся позже? Да, Джейк?

Джейк, не оглядываясь, поднял руку.

– Ну ладно, – сказала я. – Вот теперь я, кажется, чувствую себя чуть-чуть лучше.

В ответ Сэм только едва заметно покачал головой. Он посмотрел вслед Джейку с таким видом, будто ему не хотелось отпускать его от себя.

– У него иногда бывают тяжелые дни, – сказал Сэм и, повернувшись ко мне, добавил: – Луиза, вы не против выпить со мной кофе или чего-нибудь еще? Чтобы я не чувствовал себя законченным лузером. Вас ведь Луиза зовут, да?

Я вспомнила, что говорил Джейк на сегодняшней встрече.

В пятницу папа привел домой эту чокнутую блондинку по имени Мэг, которая просто помешалась на нем. И пока папа был в душе, она все выпытывала у меня, говорил ли он о ней в ее отсутствие.

Сексуальный маньяк. Но вполне милый, и именно он тогда собрал меня по частям в машине «скорой помощи», и вообще, альтернативным вариантом было просидеть весь вечер дома, гадая о том, что происходит в голове у Лили Хотон-Миллер.

– Ладно, если мы будем говорить о чем угодно, но только не о несносных подростках.

– А мы можем поговорить о вашем прикиде?

Я посмотрела на свою зеленую юбку с люрексом и ирландские балетные туфли.

– Нет, конечно.

– Ну ладно, попытка не пытка, – сказал он, оседлав мотоцикл.

Мы устроились на улице, за столиком пустого бара неподалеку от моего дома. Он пил черный кофе, я – фруктовый сок.

Теперь, когда не надо было уворачиваться от машин на парковке и лежать привязанной к больничной каталке, у меня появилась возможность исподтишка рассмотреть его. Я сразу обратила внимание на красноречивую горбинку на носу и прищуренные глаза много повидавшего в этой жизни человека, которого трудно удивить. Он был высоким, широкоплечим, черты лица, пожалуй, поглубже, чем у Уилла, движения достаточно экономные, словно он опасался что-то сломать или повредить. А еще ему явно больше нравилось слушать, нежели говорить. Может, дело было именно в этом, а может, я просто отвыкла от мужского общества, но я поймала себя на том, что буквально не закрываю рта. Я говорила о своей работе в баре, заставляя его смеяться над Ричардом Персивалем и моим ужасным нарядом, и о том, как странно снова оказаться дома, о папиных плоских шутках, о дедушке, с его пончиками, и о племяннике, с его нетривиальным подходом к использованию синего маркера. Я трещала без умолку, отчетливо понимая, что я, как обычно, не сказала о самом главном: об Уилле, о вчерашней сюрреалистической встрече, да и вообще о себе. С Уиллом я могла совершенно не думать, то я сказала или нет. Говорить с ним было все равно что дышать. И вот теперь я умудрилась вообще о себе ничего не сказать.

А этот мужчина просто кивал в нужных местах и, наблюдая за медленным потоком транспорта, пил кофе, словно для него было в порядке вещей сидеть за столиком рядом с тараторящей без остановки малознакомой женщиной в зеленой мини-юбке с люрексом.

– Как там твое бедро? – поинтересовался он, когда я в конце концов иссякла.

– Ничего. Хотя было бы неплохо, если бы я перестала хромать.

– До свадьбы заживет, надо только пройти курс физиотерапии. – (И я вновь услышала голос, звучавший тогда в машине «скорой помощи». Спокойный, уверенный, обнадеживающий.) – А что с остальными травмами?

Я машинально опустила глаза, словно обладала способностью видеть сквозь одежду.

– Тоже неплохо, если не обращать внимания на то, что меня всю будто изрисовали ярко-красной шариковой ручкой.

– Тебе крупно повезло, – кивнул Сэм. – Это было еще то падение.

И тут на меня снова накатило. Леденящий ужас, подступающий к горлу. Воздух под ногами. *Никогда не знаешь, что будет, когда упадешь с большой высоты.*

– Я вообще не пыталась...

– Ты это уже говорила.

– Но я не уверена, что мне все поверили.

Мы обменялись смущенными улыбками, и у меня невольно возник вопрос: а что, если он тоже не поверил?

– Итак... а тебе часто приходится подбирать людей, упавших с крыши?

Он медленно покачал головой и рассеянно посмотрел вдаль.

– Мне приходится подбирать только куски. И я очень рад, что в твоём случае нам все же удалось эти куски составить.

Мы еще немного помолчали. Мне хотелось продолжить разговор, но я настолько отвыкла находиться наедине с мужчиной – по крайней мере, в трезвом виде, – что неожиданно почувствовала приступ робости, мой рот открывался и закрывался совсем как у золотой рыбки.

– Ты вроде собиралась поговорить о каком-то подростке? – пришел мне на помощь Сэм.

Боже, какое облегчение иметь возможность хоть с кем-то поделиться и при этом не казаться полоумной даже самой себе. Я рассказала ему о ночном стуке в дверь, о той странной встрече, об информации, найденной мною в «Фейсбуке», а также о бегстве девочки, заставшем меня врасплох.

– Ну и дела, – когда я закончила, задумчиво протянул он. – Это просто... – Он едва заметно покачал головой. – Ты думаешь, она действительно та, за кого себя выдает?

– Она немножко на него похожа. Но, если честно, не знаю. Может, я выискиваю знаки судьбы? Может, просто стараюсь найти его черты в ком-то другом? И поэтому вижу то, что хочу видеть. Вполне вероятно. У меня сейчас словно раздвоение личности. С одной стороны, я радуюсь, что Уилл оставил свой след на земле, а с другой – переживаю, что снова облажалась. Ну а посередине целый комплекс самых разных эмоций. Типа если она действительно его дочь, то тогда какая это ужасная несправедливость, что он ее никогда не видел. Ну и бесконечные вопросы, которые меня терзают. Как ко всему этому отнесутся его родители? И мог бы он изменить свое решение, если бы знал, что у него есть дочь? А что, если это действительно могло заставить его передумать... – Я запнулась и замолчала.

Сэм, нахмурившись, откинулся на спинку стула:

– Так ты из-за него решила согласиться на групповую психотерапию?

– Да.

Я чувствовала на себе его испытующий взгляд. Возможно, он пытался понять, что значил для меня Уилл.

– А теперь я не знаю, что делать, – нарушила я молчание. – То ли попробовать ее разыскать, то ли оставить все как есть.

Сэм сидел в глубокой задумчивости.

– Ну а что бы сделал он? – наконец спросил Сэм.

И в этот самый момент я неожиданно поплыла. Я подняла глаза на сидевшего рядом со мной крупного мужчину, с прямым взглядом ясных глаз, двухдневной щетиной, с добрыми, чуткими руками. И все мысли разом вылетели из головы.

– Ты в порядке?

Я поспешно глотнула сока, пытаюсь скрыть то, что было ясно написано у меня на лице. Неожиданно – сама не знаю почему – мне захотелось плакать. Как-то сразу все навалилось. Эта странная ночь, выбившая меня из колеи. То, что надо мной снова нависла неясная тень Уилла, теперь незримо присутствовавшего при каждом разговоре. Я вдруг снова увидела его лицо, насмешливо поднятые брови, словно говорившие: *Ну и что, ради всего святого, вы теперь будете делать, Кларк?*

– Просто... очень длинный день. И в самом деле, ты не обидишься, если я...

Сэм поспешно отодвинул стул и вскочил:

– Нет-нет. Конечно иди. Извини, я не подумал.

– Ну что ты. Все было очень мило. Только...

– Нет проблем. Длинный день. Да еще эта ваша группа скорбящих. Я понимаю. Ну что ты, оставь, ради бога, – сказал он, когда я полезла за кошельком. – Я серьезно. Твой апельсиновый сок меня явно не разорит.

Мне показалось, что я, несмотря на хромоту, вихрем понеслась к своей машине. И всю дорогу я спиной чувствовала его взгляд.

Я поставила машину на парковку и наконец-то смогла вдохнуть полной грудью, поскольку всю обратную дорогу мне словно не хватало воздуха. Бросила взгляд в сторону углового магазина, затем посмотрела на окна своей квартиры и решила: к черту благоразумие! Я хотела вина, несколько больших бокалов вина. Вино поможет мне бесстрашно смотреть вперед, перестав оглядываться назад. Или вообще никуда не смотреть.

Когда я вылезала из машины, у меня снова разболелось бедро. Теперь, после появления в моей жизни Ричарда, оно болело постоянно. А ведь физиотерапевт предупреждал, что мне не следует проводить весь день на ногах. Но не могло быть и речи, чтобы сообщить об этом Ричарду.

Понятно. Значит, вы работаете в баре, но хотите, чтобы вам разрешили весь день сидеть. Я ничего не путаю?

Его несформировавшееся лицо, идеальное для менеджера среднего звена, подчеркнута невыразительная стрижка. И манера держаться с несколько усталым превосходством, хотя он всего-то на два года старше меня. Я закрыла глаза, чтобы прогнать беспокойство, скрутившее внутренности тугим узлом.

– Вот это, пожалуйста. – Я поставила на прилавок холодную бутылку «Каберне совиньон».

– Никак на вечеринку собралась?

– Что?

– Маскарадный костюм. Ты оделась... Ой, только не говори! – Самир задумчиво потер подбородок. – Белоснежкой.

– В самую точку, – сказала я.

– Но ты все же с этим поосторожнее. Пустые калории, знаешь ли. Если ты следишь за фигурой, то тогда тебе лучше пить водку. Вот это чистый напиток. Ну, можно еще добавить немного лимона. Я именно так и говорю Джинни, что живет через дорогу. Ты ведь в курсе, что она стриптизерша, да? А они очень следят за фигурой.

– Совет диетолога. Как мило.

– Похоже, тут все дело в сахаре. Надо следить за количеством сахара. А тогда какой смысл покупать продукты с низким содержанием жиров, если там полно сахара, да? Вот они,

твои пустые калории. Прямо тут. Но самое плохое – это сахарозаменители. Они прилипают к кишкам.

Он пробил вино и протянул мне сдачу.

– Самир, а сам-то ты что обычно ешь?

– Готовую лапшу с копченым беконом. Вкуснятина.

Я впала в задумчивость, блуждая в темных глубинах сознания между своими больными почками, экзистенциальным отчаянием из-за работы и непреодолимым желанием поесть готовой лапши с копченым беконом, и тут вдруг увидела ее. Она сидела, обняв коленки, на тротуаре у дверей моего дома. Я взяла у Самира сдачу и практически побежала через дорогу.

– Лили?

Она медленно подняла голову.

Ее речь была нечленораздельной, глаза в красных прожилках, словно она плакала.

– Меня никто не хочет впускать. Я звонила во все звонки, но никто не захотел меня впустить.

Я вставила ключ в дверь и опустилась на землю, скрючившись возле Лили.

– Я просто хотела лечь спать, – принялась тереть глаза Лили. – Я так устала. Хотела взять до дому такси, но не сумела найти денег.

От нее волнами поднимался запах алкоголя.

– Ты что, пьяная?

– Не знаю. – Она беспомощно заморгала, горестно поникнув. И у меня вдруг возникло нехорошее подозрение: а только ли в алкоголе тут дело? – Я, может быть, и не такая пьяная, а вот вы точно превратились в лепрекона. – Она похлопала себя по карманам. – Ой, смотрите, что у меня есть! – Она достала наполовину выкуренную самокрутку, которая, насколько я поняла, пахла отнюдь не табаком. – Давай курнем, Лили, – сказала она. – Ой нет! Ты же Луиза. Лили – это я. – Она начала хихикать, одновременно выжывая непослушными пальцами из кармана зажигалку, которую попыталась зажечь не с того конца.

– Все. Тебе уже достаточно. Пора домой. – Я забрала у Лили косячок и, не обращая внимания на ее слабые протесты, растоптала его каблуком. – Я вызову тебе такси.

– Но я вовсе не хочу...

– Лили!

Я подняла глаза. На другой стороне дороги, засунув руки в карманы джинсов, стоял какой-то парень и смотрел на нас немигающим взглядом. Лили стрельнула в его сторону глазами и поспешно отвернулась.

– А это еще кто такой? – поинтересовалась я.

Лили потупилась.

– Лили! Иди сюда! – Тон его был неожиданно повелительным.

Парень стоял, расставив ноги, словно не сомневался, что стоит ему свистнуть – и она прибежит. И мне вдруг стало не по себе.

Никто из нас даже не шелохнулся.

– Это что, твой парень? Может, хочешь с ним поговорить? – тихо спросила я.

Когда она открыла рот, я поначалу вообще ничего не разобрала. Пришлось наклониться к ней поближе и попросить ее повторить.

– Заставьте его уйти. – Она закрыла глаза и повернулась лицом в сторону двери. – Ну пожалуйста!

Парень двинулся через дорогу напрямик к нам. Я огляделась и попыталась придать голосу властные интонации:

– Ты свободен, спасибо. Лили идет со мной. – Он остановился на полпути. Я выдержала его тяжелый взгляд. – Поговоришь с ней как-нибудь в другой раз. Понятно? – Я положила руку на кнопку домофона и начала бормотать, делая вид, будто разговариваю со своим воображаемым мускулистым и очень вспыльчивым дружкой: – Ага. Дейв, а может, все-таки спустишься мне помочь? Спасибо.

Молодой человек устался на меня, и его взгляд не предвещал ничего хорошего. Но затем он повернулся, вытащил из кармана телефон и начал прямо на ходу вести с кем-то тихий напряженный разговор, не обращая внимания на раздраженные гудки такси, которому пришлось его объезжать, и то и дело исподволь оглядываясь на нас.

Я вздохнула – вздох получился похожим на икоту, – тихо выругалась и, подхватив Лили Хотон-Миллер под мышки, не слишком элегантно потащила ее в вестибюль.

В ту ночь она спала в моей квартире. Ничего лучшего я так и не смогла придумать. Ее дважды стошнило в ванной, и она яростно сопротивлялась, когда я пыталась убрать ей волосы с лица. Лили отказалась дать мне номер своего домашнего телефона, хотя, возможно, просто его забыла, а ее мобильный был заблокирован пин-кодом.

Я привела Лили в порядок, натянула на нее свои штаны для пробежек и футболку, а затем проводила в гостиную.

– Ты прибралась! – воскликнула она с таким видом, будто я сделала это специально для нее.

Я налила ей стакан воды и уложила на диван в безопасной позе, хотя, поскольку Лили два раза вывернуло наизнанку, внутри у нее явно ничего не осталось. Когда я приподняла ей голову, чтобы положить на подушку, Лили открыла глаза, словно только сейчас меня узнала.

– Прости, – сказала она так тихо, что поначалу мне показалось, будто я ослышалась, и ее глаза наполнились слезами.

Я накрыла Лили одеялом. Она моментально заснула, а я смотрела на ее бледное личико, синие тени под глазами, изогнутые брови, такие же как у Уилла, и до боли знакомую россыпь едва заметных веснушек.

А затем я заперла дверь, отнесла ключи к себе в спальню и положила под подушку – то ли чтобы она, упаси господи, ничего не украла, то ли чтобы не смогла уйти. Мне не спалось, в голове раздавались звуки сирены, перед глазами стоял терминал аэропорта, скорбные лица членов нашей группы в церковном зале и тяжелый взгляд того парня на другой стороне улицы, мозг сверлила мысль, что под моей крышей спит посторонний человек. Мне не давал покоя внутренний голос, неустанно твердивший: *Что, черт возьми, ты делаешь?!*

А что еще я могла сделать? И наконец, когда за окном запели ранние птицы, первый утренний грузовичок привез товар в булочную внизу, внутренний голос постепенно затих и я уснула.

Проснувшись я оттого, что пахло кофе. Пару секунд я гадала, откуда в мою квартиру мог просочиться запах кофе, и, когда нашла ответ на свой вопрос, живо вскочила с кровати и принялась натягивать толстовку.

Она сидела по-турецки на диване, курила, стряхивая пепел в мою новую кружку. Телевизор был включен – какое-то ненормальное детское шоу с ярко одетыми, гримасничающими ведущими, – на каминной доске стояли два пластиковых стаканчика.

– Ой, привет! Твой тот, что справа, – повернувшись ко мне, сказала Лили. – Не знала, какой ты любишь, и поэтому взяла «американо».

Я растерянно заморгала, наморщив нос от сигаретного дыма. Открыла окно и посмотрела на часы.

– Неужели я проспала все на свете?

– Угу. Кофе, наверное, немного остыл. Я не знала, будить тебя или нет.

– У меня сегодня выходной, – сообщила я, протягивая руку за кофе. Кофе был еще теплым. И я с благодарностью сделала большой глоток. А затем удивленно уставилась на стаканчик. – Эй, постой-ка! А где ты это взяла? Я ведь заперла входную дверь.

– Спустилась по пожарной лестнице. Но так как денег у меня не было, я сообщила парню из булочной, из какой я квартиры, а он сказал, что ты можешь занести деньги позже. А еще ты должна ему за два рогалика с копченым лососем и творожным сыром.

– Да неужели? – Я вовсе не собиралась с ней миндальничать, более того, я вдруг поняла, что жутко проголодалась.

Она перехватила мой взгляд.

– Ой, рогалики я уже съела. – Она выпустила в потолок колечко дыма. – У тебя в холодильнике хоть шаром покати. Нет, тебе определенно пора навести здесь порядок.

Сегодня утром Лили была совсем другой. Она так разительно отличалась от той девицы, которую я подобрала вчера вечером на улице, что мне с трудом верилось, будто передо мной один и тот же человек. Я вернулась в спальню и, одеваясь, прислушивалась к бормотанию телевизора и шлепанью босых ног Лили на кухню и обратно.

– Эй, как там тебя?! Луиза! А ты не могла бы одолжить мне немного денег? – крикнула она.

– Если для того, чтобы опять нажраться, то нет.

Она без стука вошла в спальню. Я поспешно прикрылась футболкой.

– А можно мне сегодня снова у тебя переночевать?

– Лили, мне надо поговорить с твоей мамой.

– И о чем, интересно, ты собираешься с ней говорить?

– Я хочу понять, в чем дело и что происходит.

Она замерла на пороге:

– Значит, ты мне не веришь.

Знаком велев ей отвернуться, я наконец-то застегнула лифчик.

– Я тебе верю. Но все должно быть по-честному. Если ты хочешь что-то от меня получить, то должна для начала что-то рассказать о себе.

И не успела я натянуть футболку, как она снова повернулась ко мне:

– Ладно, поступай как знаешь. Мне все равно надо сходить за своей одеждой.

– Зачем? Где ты остановилась?

Она повернулась ко мне спиной, пропустив мой вопрос мимо ушей, подняла руку и понюхала подмышку.

– Можно воспользоваться твоим душем? А то я насквозь провоняла.

Час спустя мы в напряженном молчании уже ехали в Сент-Джонс-Вуд. Я была измучена до предела событиями вчерашней ночи, да и вообще, на меня плохо действовала та странная энергия, которую словно излучала Лили. Она непрерывно ерзала на сиденье, курила сигарету за сигаретой, а затем внезапно затихала, погружаясь в свои мысли, настолько мрачные, что я буквально на физическом уровне ощущала их тяжесть.

– Итак, кто это был? Вчерашний мужчина, – безразличным тоном поинтересовалась я, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Да так, один человек.

– Ты мне вроде бы говорила, что это твой парень.

– Ну, значит, так оно и есть.

В ее голосе появились жесткие нотки, и она сразу замкнулась. И чем ближе мы подъезжали к дому ее родителей, тем больше она уходила в себя. Лили сидела, скрестив на груди руки, подтянув к подбородку колени, ее взгляд стал тяжелым и вызывающим, словно она уже вела молчаливую битву. У меня возникло нехорошее подозрение: не соврала ли она случайно насчет Сент-Джонс-Вуда, однако Лили махнула рукой в сторону широкой улицы в окаймлении деревьев и велела на третьем повороте свернуть налево. И мы вдруг оказались на широкой дороге между домами, где живут в основном дипломаты и американские банкиры, на дороге, по которой, кажется, никто никогда просто так не ездит. Я подъехала поближе и, раскрыв рот, уставилась из окна на высокие белые оштукатуренные здания, аккуратно подстриженные изгороди из тиса и безупречные ящики для цветов снаружи на подоконниках.

– Ты что, здесь живешь?

Она с такой силой захлопнула за собой дверь, что моя маленькая машина обиженно задребезжала.

– Я здесь не живу. Это они здесь живут.

Она вошла в дом, я последовала за ней, чувствуя себя непрошеным гостем. Мы оказались в просторной прихожей с высокими потолками, паркетными полами и огромным зеркалом в позолоченной раме на стене, на котором уже не было места от белых приглашительных карточек. Антикварный столик украшала ваза с искусно составленным букетом. Воздух был ароматизирован духами.

Откуда-то сверху доносились возбужденные голоса, кажется детские, хотя трудно сказать.

– Мои сводные братья, – небрежно бросила Лили и прошла на кухню, явно ожидая, что я последую за ней.

А я, застыв на месте, смотрела во все глаза на серую кухню в стиле модерн, с бесконечными полированными рабочими поверхностями из серо-коричневого искусственного камня. Все вокруг буквально кричало о больших деньгах, начиная от дорогущего тостера фирмы «Дуалит» и кончая огромной навороченной кофемашинкой, которой самое место где-нибудь в итальянском кафе. Лили открыла холодильник и,

обследовав его содержимое, извлекла коробку с кусочками ананаса, а затем залезла туда рукой и принялась жадно есть.

– Лили? – Взволнованный женский голос откуда-то сверху. – Лили, это ты? – Звук торопливых шагов вниз по ступенькам.

Лили страдальчески закатила глаза.

На пороге кухни появилась стройная блондинка. Она удивленно уставилась на меня, затем на Лили, которая как ни в чем не бывало продолжала вяло кидать в рот кусочки ананаса. Женщина подошла к Лили и выхватила у нее из рук коробку.

– Где, черт возьми, ты была? В твоей школе уже рвут и мечут. Папочка обшаривает на машине окрестности. Мы уж, грешным делом, подумали, что тебя убили! Где ты была?

– Он не мой папа.

– И нечего со мной умничать, юная леди! Ты не можешь вот так взять и преспокойно заявиться домой, словно ничего не случилось! Ты хоть представляешь себе, сколько неприятностей нам всем доставила?! Я полночи просидела с твоим братом, а потом так и не сомкнула глаз, поскольку переживала из-за тебя. Мне даже пришлось отменить поездку к бабушке Хотон, потому что мы не знали, где тебя искать.

Лили окинула мать холодным взглядом:

– Не понимаю, с чего это вдруг ты так разволновалась. Обычно тебе без разницы, где я и что со мной.

Женщина буквально оцепенела от гнева. Она казалась очень худой, такая худоба достигается экзотическими диетами или маниакальными занятиями спортом. У нее была дорогая стрижка – волосы крашенные, но смотрелись естественно – и, насколько я поняла, дизайнерские джинсы. Однако ее выдавало лицо, очень загорелое, но усталое и изможденное. Потом она повернулась в мою сторону:

– Значит, все это время она находилась у вас, да?

– Да, но...

Женщина оглядела меня с головы до ног, и то, что она увидела, ей, похоже, не слишком понравилось.

– Вы хоть отдаете себе отчет, сколько неприятностей вы нам доставили?! Вы хоть представляете, сколько ей лет?! И что, черт возьми, у вас может быть общего с такой юной девушкой?! Вам сколько лет? Не меньше тридцати, да?

– На самом деле я...

– Что все это значит? Лили, неужели у тебя какие-то отношения с этой женщиной?

– Ой, мама, заткнись, ради бога! – Лили снова взяла коробку с ананасом и теперь задумчиво шарил в ней указательным пальцем. – Это не то, что ты думаешь. Она тут вообще ни при чем. – Лили положила в рот последний кусочек, замолчала, чтобы прожевать, тем самым усилив драматический эффект, и только потом продолжила: – Это та женщина, что ухаживала за моим папой. Моим настоящим папой.

Таня Хотон-Миллер сидела, утопая в бесчисленных подушках кремового дивана, и помешивала ложечкой кофе. Я примостилась на краю дивана напротив, уставившись на огромные ароматические свечи французской фирмы «Диптик» и изящно разложенные журналы по интерьеру. Я боялась, что если откинусь на спинку дивана, то непременно пролью кофе себе на колени.

– Итак, как вы познакомились с моей дочерью? – устало произнесла Таня.

Ее безымянный палец украшали два самых огромных бриллианта, которые мне когда-либо доводилось видеть.

– На самом деле я с ней не знакома. Она заявила ко мне в квартиру. Я понятия не имела, кто она такая.

Тане потребовалось не меньше минуты, чтобы переварить услышанное.

– Значит, вы ухаживали за Уиллом Трейнором.

– Да, до самой его смерти.

В разговоре возникла короткая пауза, когда у нас над головой раздался грохот и мы, не сговариваясь, посмотрели на потолок.

– Мои сыновья, – вздохнула Таня. – У них... некоторые проблемы с поведением.

– А они... от вашего?..

– Они не от Уилла, если вы это хотели узнать.

В комнате снова стало тихо. Или почти тихо, так как сверху доносились непрекращающиеся яростные вопли. Раздался громкий удар – и наступило затишье, затишье перед бурей.

– Миссис Хотон-Миллер, – начала я, – это правда? Лили... действительно дочь Уилла Трейнора?

Она воинственно вздернула подбородок:

– Да.

Меня вдруг затрясло, и я поспешила поставить чашку на стол.

– Не понимаю... Не понимаю, как...

– Все очень просто. Мы с Уиллом встречались на последнем курсе университета. Естественно, я была влюблена в него по уши. В него все были влюблены. Хотя, должна вам сказать, это нельзя было назвать улицей с односторонним движением. Ну вы понимаете? – Она сдержанно улыбнулась и замолчала, словно ожидая от меня комментариев.

Нет, я решительно отказывалась понимать. Как Уилл мог не сказать мне, что у него есть дочь?! И это после всего того, через что нам пришлось вместе пройти!

– Короче, – продолжила Таня, – мы считались золотой парой. Вечеринки, катания на лодке, уик-энды за городом, ну сами знаете. Мы с Уиллом... Мы побывали везде. – Таня рассказывала свою историю так, словно та еще была свежа в памяти, словно эта женщина снова и снова прокручивала ее в голове. – А затем после студенческого бала в конце года мне пришлось уехать, чтобы помочь своей подруге Лизе, влипшей в какие-то неприятности, а когда я вернулась, Уилл уже ушел. И я понятия не имела куда. Я прождала его, потеряв счет времени, все потихоньку стали разъезжаться по домам, и тут наконец какая-то практически незнакомая девушка подошла ко мне и сообщила, что Уилл уехал домой с девицей по имени Стефани Лоудон, которая – кто бы мог подумать! – давно положила на него глаз. Сперва я решила, что все это ложь, так как доверяла Уиллу. Но потом все равно поехала к ее дому и осталась караулить в машине. И вот, нате вам, в пять утра дверь открылась, показался Уилл, а затем они стояли и целовались прямо на пороге, словно им было плевать, что их могут увидеть и что потом будет. А когда я вышла из машины и накинулась на Уилла, он даже не потрудился хотя бы из вежливости сделать вид, будто ему стыдно. Он вел себя как ни в чем не бывало, типа я подняла много шума из-за ерунды, а когда я вконец расстроилась, заявил, что не стоит понапрасну растрчивать эмоции, поскольку в любом случае наши отношения не могли длиться вечно и после университета мы все равно расстались бы. А затем учеба закончилась, и, положив руку на сердце, я даже почувствовала

некоторое облегчение – ведь кому приятно прослыть девушкой, которую бросил Уилл Трейнор? Хотя пережить все это оказалось очень нелегко, уж слишком резко он оборвал наши отношения, понимаете? В общем, после того, как мы окончили университет и он начал работать в Сити, я написала ему письмо с просьбой сходить куда-нибудь вместе выпить, чтобы я, по крайней мере, выяснила, что, ради всего святого, случилось, и закрыла тему. Ведь, с моей точки зрения, мы были вполне счастливы. Он не ответил, и тогда я позвонила ему, и он велел своей секретарше просто отправить эту... эту открытку, где говорилось, что она приносит свои извинения, но у Уилла очень плотный рабочий график и сейчас у него нет на меня времени, но он желает мне всего наилучшего. Всего наилучшего, – скривилась Таня.

У меня внутри все оборвалось. Как бы мне ни хотелось опровергнуть рассказ Тани, в ее словах была убийственная правда. Уилл как-то признался, что когда был моложе, то не слишком порядочно обходился с женщинами. («Я вел себя как последняя сволочь», – говорил он.)

– А затем, – продолжила Таня, – два месяца спустя я обнаружила, что забеременела. И было уже слишком поздно что-либо предпринимать, так как у меня никогда не было нормального цикла и я не сразу поняла, что уже пропустила первые две задержки. Поэтому я решила оставить ребенка. Но... – Тут она посмотрела на меня и снова, словно заранее защищаясь, воинственно вздернула подбородок. – Не было никакого смысла ему говорить. Только не после того, что он сказал и сделал.

Мой кофе давно остыл.

– Не было никакого смысла ему говорить?

– С него сталось бы заявить, что он не желает иметь со мной ничего общего. Он наверняка решил бы, что я специально подзалетела, чтобы заманить его в ловушку или типа того.

У меня отвисла челюсть. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы закрыть рот.

– Но вам... вам не кажется, что он имел право знать? Миссис Хотон-Миллер, вам не кажется, что, возможно, ему захотелось бы увидеть своего ребенка? Невзирая на то, что между вами произошло. – (Таня Хотон-Миллер поставила чашку и посмотрела на меня.) – Ей шестнадцать. Когда он умер, ей было четырнадцать или пятнадцать. Это ужасно большой...

– К этому времени у нас уже появился Фрэнсис. Он стал для нее отцом. И всегда относился к ней невероятно хорошо. Мы были семьей. Мы и сейчас семья.

– Я не понимаю...

– Послушайте, Уилл не заслужил права познакомиться со своей дочерью. – (Эти горькие слова будто повисли между нами в застывшем воздухе.) – Он был засранцем. Понятно? Уилл Трейнор был эгоистичным засранцем. – Она нервно убрала упавшую на лицо прядь волос. – Я действительно ничего не знала о том, что с ним произошло. Это стало для меня настоящим шоком. Но, честно признаться, я отнюдь не уверена, что это могло бы хоть что-нибудь изменить.

Я была в таком шоке, что не сразу обрела дар речи.

– Это изменило бы абсолютно все. Для него, – заявила я и, поймав неприязненный взгляд Тани Хотон-Миллер, продолжила дрогнувшим голосом: – Уилл наложил на себя руки, потому что не видел смысла жить дальше. Если бы он знал, что у него есть дочь...

Миссис Хотон-Миллер решительно встала с места:

– Ой, я вас умоляю! Только не надо навешивать на меня еще и это, мисс, как вас там. И я не собираюсь мучиться комплексом вины из-за самоубийства этого человека. Вы что, думаете, моя жизнь такая уж легкая? И кто дал вам право меня судить?! Если бы на вашу долю выпала хоть половина моих проблем... Нет. Уилл Трейнор был ужасным человеком.

– Уилл Трейнор был лучшим из всех, кого я знаю.

Она окинула меня пристальным взглядом:

– Да. Возможно, у каждого своя правда.

Мы сверлили друг друга глазами, и я подумала, что еще никогда в жизни не чувствовала к кому-то такой внезапной антипатии. Я встала, чтобы уйти, но тут тишину нарушил девичий голос:

– Значит, мой папа не подозревал о моем существовании.

Мы резко обернулись и увидели застывшую на пороге Лили. Таня Хотон-Миллер побелела как полотно, но затем взяла себя в руки.

– Лили, я хотела оградить тебя от лишних страданий. Я слишком хорошо знала Уилла и была не готова поставить нас обоих в унижительное положение просительниц, уговаривающих кого-то вступить с ними в отношения, которых человек, возможно, и не желает. – Она пригладила волосы. – И вообще, ради бога, оставь эту свою чудовищную привычку подслушивать! Ты слышишь звон, но не знаешь, где он.

И тут мое терпение лопнуло. В довершение всего, когда я направилась к двери, наверху разорался маленький мальчик. После чего в лестничный пролет полетел пластмассовый грузовичок, который разбился на мелкие кусочки где-то внизу. Я увидела взволнованное лицо филиппинки, перегнувшейся через перила. И начала спускаться по ступенькам.

– Куда ты идешь?

– Прости, Лили. Давай... давай поговорим в другой раз.

– Но ты ведь так ничего и не рассказала о папе.

– Он не был твоим папой, – вмешалась в разговор Таня Хотон-Миллер. – Фрэнсис сделал для тебя столько, сколько Уилл никогда бы в жизни не сделал...

– Фрэнсис не мой отец! – рявкнула Лили.

Тем временем наверху снова раздался чудовищный грохот, а затем послышался женский голос, женщина что-то кричала на незнакомом мне языке. Игрушечный пулемет выпустил в воздух очередь пластиковых пулек. Таня Хотон-Миллер схватилась за голову:

– Нет, я этого не вынесу. Просто не вынесу!

Лили поймала меня у двери:

– А можно мне остаться у тебя?

– Что?

– В твоей квартире. Я не могу здесь находиться.

– Лили, не думаю...

– Только на одну ночь. Ну пожалуйста!

– Ой, да на здоровье! Пусть она поживет у вас день или два. Она составит вам прекрасную компанию. – Таня с саркастической улыбкой помахала рукой. – Ведь она такая вежливая, услужливая, любящая. О таком человеке в доме можно только мечтать! – Лицо Тани окаменело. – А что, давайте представим, как это будет. Вы в курсе, что она пьет? И курит? И что ее отчислили из школы? Она ведь наверняка поставила вас в известность, да? – (Лили стояла со скучающим видом, словно она уже миллион раз слышала эту шарманку.) – Она даже не потрудилась явиться на экзамены. Мы сделали для нее все,

что было в наших силах. Консультанты, лучшие школы, репетиторы. Фрэнсис относится к ней как к родной дочери. А она просто плюет нам в лицо. У моего мужа сейчас очень напряженная ситуация в банке, у мальчиков свои проблемы, но она ради нас и пальцем не пошевелит. И так было всегда.

– А тебе-то откуда знать? Меня полжизни воспитывали няни. А когда родились мальчики, ты отослала меня в пансион.

– Мне с вами со всеми было не справиться! Я делала, что могла.

– Ты делала, что хотела: начать новую жизнь с идеальной семьей уже без меня. – Лили снова повернулась ко мне. – Ну пожалуйста! Хоть немножечко! Обещаю, что не стану путаться у тебя под ногами. Я буду хорошей.

Конечно, мне следовало сказать «нет». Кто бы сомневался. Но я была жутко зла на эту женщину. И на секунду мне даже показалось, что я должна выступить от лица Уилла, сделав то, что он уже не в силах сделать.

– Отлично, – бросила я, повернувшись, и как раз вовремя, поскольку мимо моего уха просвистела какая-то конструкция лего, разлетевшаяся у моих ног на множество ярких кусочков. – Собирай вещи. Жду тебя в машине.

Вторая половина субботы прошла как в тумане. Мы перетасили в мою спальню оставшиеся коробки из гостевой комнаты, которая, перестав играть роль кладовой, была теперь предназначена для Лили. Я даже повесила валявшиеся без дела жалюзи, перенесла туда лампу, поставив ее на второй прикроватный столик. Я купила раскладушку, напольную стойку для одежды, новое пуховое одеяло и набор подушек, а потом мы вдвоем втащили все это добро на пятый этаж. Лили, похоже, нравилось, что у нее появилась хоть какая-то цель, и ее, похоже, вовсе не смущал сам факт переезда к практически незнакомому человеку. В тот вечер я смотрела, как она разбирала свои немногочисленные пожитки в гостевой комнате, и мне вдруг стало ужасно грустно. Боже мой, только очень несчастный ребенок мог согласиться сменить роскошь и комфорт родительского дома на походный аскетизм крошечной комнаты для гостей, с раскладушкой и рахитичной вешалкой для одежды!

Я приготовила пасту, остро ощущая всю странность того, что мне приходится готовить для кого-то еще, потом мы вместе посмотрели телевизор, в половине девятого у нее зазвонил телефон, и она попросила дать ей ручку и листок бумаги.

– Вот, – нацарапав какие-то цифры, сказала она, – это мамин мобильный. Ей нужен номер твоего телефона и адрес. На случай непредвиденных ситуаций.

И у меня сразу мелькнула мысль: а как часто Лили намерена у меня оставаться?

В десять вечера я, вконец обессилив, сообщила Лили, что мне пора на боковую. Она сидела по-турецки на диване, смотрела телевизор и одновременно выстукивала кому-то сообщение на ноутбуке.

– Не засиживайся допоздна, хорошо? – В моих устах это прозвучало довольно фальшиво, словно я только строила из себя взрослую.

Но Лили буквально прилипла к экрану телевизора.

– Лили?

Она подняла голову, как будто только сейчас заметила мое присутствие.

– Ой да, совсем забыла тебе сказать. Я была там.

– Где – там?

– На крыше. Когда ты упала. Это я тогда вызвала «скорую».

И я неожиданно вспомнила ее – эти большие глаза на белеющем в темноте лице.

– Но... но что ты там делала?

– Я нашла твой адрес. И когда моя мамаша распсиховалась, я решила сперва разузнать о тебе, а потом попробовать поговорить. Ну, я увидела свет в твоём окне, а потом прикинула, что можно подняться наверх по пожарной лестнице и просто подождать. Но когда ты вышла на крышу и принялась валять дурака на самом краю, я подумала, что если хоть что-нибудь тебе скажу, то напугаю тебя до мокрых штанов.

– И поэтому ты сказала.

– Угу. Хотя я не хотела. Я реально решила, что убила тебя. – Она расхохоталась истерическим смехом.

С минуту мы обе молчали.

– Все считают, что я собиралась броситься с крыши.

– Неужели? – резко повернулась ко мне Лили.

– Ага.

Она на секунду задумалась.

– Из-за того, что случилось с моим папой?

– Да.

– А ты по нему скучаешь?

– Каждый божий день.

Лили притихла, а потом неожиданно спросила:

– А когда у тебя следующий выходной?

– В воскресенье, – ответила я, пытаюсь собраться с мыслями.

– А мы можем съездить в твой родной город?

– Ты что, хочешь поехать в Стортфорд?

– Я хочу увидеть, где он жил.

Я не стала предупреждать папу о нашем приезде. Так как не вполне представляла себе, что скажу домашним. Я остановила машину, но еще с минуту продолжала сидеть на месте. Лили прильнула к окну, и я вдруг с пронзительной остротой осознала всю убогость нашего маленького дома по сравнению с особняком ее родителей. Когда я сказала Лили, что мама наверняка захочет оставить нас на ланч, девочка настояла на том, чтобы купить цветы, но мое предложение купить на ближайшей заправке гвоздики она встретила в штыки, хотя цветы предназначались для людей, которых она в жизни не видела.

Мне пришлось заехать в супермаркет на другом конце Стортфолда, и там Лили выбрала огромный, перевязанный бантом букет из фрезий, пионов и лютиков, за который, естественно, заплатила я.

– Посиди пока тут, – остановила я Лили, уже собравшуюся было вылезти из машины. – Сперва мне надо им кое-что насчет тебя объяснить.

– Но...

– Положись на меня. Давай дадим им время очухаться.

Я прошла по дорожке через маленький садик и постучала в дверь. Я услышала доносившееся из гостиной невнятное бормотание телевизора и представила, как бабушка в своем кресле напряженно следит за скачками, шевеля губами в такт стука копыт. Звуки и образы родного дома. Я вспомнила о долгих месяцах, которые провела на чужбине, сомневаясь в том, что меня примут обратно, и стараясь не думать, каково это – вновь пройти по знакомой дорожке, оказаться в кольце маминых рук, пахнущих кондиционером для белья, услышать папин раскатистый смех.

Папа открыл дверь, и у него от удивления глаза полезли на лоб.

– Лу! А мы тебя не ждали!.. Разве мы тебя ждали? – Шагнув вперед, он заключил меня в медвежьи объятия. И я сразу почувствовала себя вернувшейся блудной дочерью.

– Привет, па.

Он остался стоять на ступеньке с вытянутой рукой. Из коридора потянуло жареным цыпленком.

– Ну так как, может, зайдешь или нам устроить пикник прямо на крыльце?

– Да, но сперва мне надо тебе кое-что сказать.

– Ты потеряла работу.

– Нет, я не теряла своей...

– Ты наколола еще одно тату.

– Откуда ты узнал про тату?

– Я твой отец. И знаю все, черт возьми, что сделала ты или твоя сестра с тех пор, как вы вышли из младенческого возраста. – Он наклонился ко мне поближе и прошептал: – А вот твоя мать никогда бы не позволила мне украсить себя наколкой.

– Нет, папа. Я не наколола еще одно тату. – Я набрала в грудь побольше воздуха. – Я... я привезла с собой дочку Уилла.

Папа ошалело уставился на меня. У него за спиной возникла мама, в своем неизменном переднике.

– Лу! – Поймав папин взгляд, она тотчас же всполошилась. – Что? Что случилось?

– Она говорит, что приехала с дочкой Уилла.

– С кем с кем она приехала?! – ахнула мама.

Папа вдруг резко побледнел и, нащупав за спиной батарею, поспешно ухватился за нее.

– Ну что еще? – рассердилась я. – Что случилось?

– Ты же... не хочешь сказать, что... выносила... э-э-э... его ребеночка?

Я скорчила страшную рожу:

– Она в машине. Ей шестнадцать.

– Ох, слава богу! Ох, Джози, слава богу! В наше время всякое бывает... Никогда не знаешь... – Наконец папа взял себя в руки. – Дочка Уилла, говоришь? Ты никогда не рассказывала о...

– Я не знала. Никто не знал.

Мама попыталась заглянуть из-за папиного плеча в мою машину, а сидевшая там Лили старательно делала вид, будто не знает, что речь идет о ней.

– Ну, тогда приглашай ее в дом, – сказала мама, прижав руки к шее. – У нас сегодня цыпленок вполне приличного размера. Хватит на всех, если я добавлю еще картошки. – Она растерянно покачала головой. – Нет, надо же, дочка Уилла! Боже мой, Лу! От тебя действительно можно ожидать чего угодно. – Она наклонилась вперед, чтобы помахать рукой Лили, та неуверенно помахала в ответ. – Иди сюда, дорогая!

Папа приветственно поднял руку, а затем едва слышно спросил:

– Мистер Трейнор знает?

– Пока нет.

– Ну-с, а что там у нас еще? – потеряв грудь, спросил папа.

– Ты о чем?

– Это ты мне должна сказать. Я имею в виду, помимо прыжков с крыши и возвращения потерянных детей. Надеюсь, ты не поступила в цирк, не усыновила ребенка из Казахстана или типа того?

– Папа, клянусь, тут моя совесть чиста. По крайней мере, пока.

– Что ж, и на том спасибо. А который час? Я не отказался бы выпить.

– Лили, в какой школе ты учишься?

– В небольшом пансионе в Шропшире. Вряд ли о нем кто-либо когда-либо слышал. Там в основном дебилы-аристократы и представители побочных ветвей румынской королевской семьи.

Мы всемером теснились за обеденным столом в гостиной, причем шестеро из нас истово молились в душе, чтобы никому не приспичило в туалет, так как тогда придется вставать и двигать стол ближе к дивану.

– Пансион, значит? Буфеты, полночные посиделки и все такое? Зуб даю, это клево.

– Не совсем. Они закрыли буфет в прошлом году, потому что многие девочки заработали нервную анорексию^[8] и, съев «Сникерс», например, специально вызывали у себя рвоту.

– Мама Лили живет в Сент-Джонс-Вуде, – сообщила я. – Лили побудет со мной парочку дней, чтобы... Чтобы поближе познакомиться с родственниками... с другой стороны.

– В нашем городе живет уже не одно поколение Трейноров, – сказала мама.

– Правда? – заинтересовалась Лили. – А вы их знаете?

– Не то чтобы... – замялась мама.

– А какой у них дом?

– Ну, о таких вещах лучше спрашивать Лу. – Мамино лицо сразу окаменело. – Это Лу

у нас проводила там... все свое время.

Лили явно ждала продолжения. Папа вопросительно взглянул на маму:

– Я работаю с мистером Трейнором, управляющим замком.

– Дедушка! – воскликнул дедушка и рассмеялся.

Лили посмотрела на него, потом на меня. Я ответила ей ободряющей улыбкой.

– Все верно, дедуля, – сказала мама. – Он приходится Лили дедушкой. Совсем как ты – Лу. Кому еще картошки?

– Дедушка, – с довольным видом тихо повторила Лили.

– Мы позвоним им и... все расскажем, – предложила я. – Если хочешь, можно на обратном пути проехать мимо их дома. Чтобы ты хоть краем глаза на него взглянула.

Пока мы обменивались мнениями, моя сестра сидела молча. Лили усадили рядом с Томом в слабой надежде на то, что это его дисциплинирует, хотя некоторый риск, что он заведет разговор о паразитах в заднем проходе, все же имелся. Трина внимательно следила за Лили. Сестра оказалась более подозрительной, чем мои родители, поверившие во все то, что я им выдала на голубом глазу. И в конце концов задала мне все те вопросы, что, как запертая птица, стучали у меня в мозгу. *Откуда я узнала, что она та, за кого себя выдает? Что ей было надо? И наконец, с чего это вдруг, ради всего святого, родная мать захотела, чтобы девочка осталась со мной?*

– И как долго она у тебя пробудет? – едва слышно спросила Трина, пока папа распинался насчет работ с зазеленевшим дубом.

– Мы это еще не обсуждали.

Трина состроила гримасу, красноречивей любых слов говорившую, что я форменная идиотка, но ее это несколько не удивляет.

– Трин, она переночевала у меня всего два раза. И она еще совсем юная.

– Вот и я о том же. А что ты вообще понимаешь в воспитании детей?

– Она уже не ребенок.

– Она хуже, чем ребенок. Подростки – что твои карапузы, только с переизбытком гормонов. Считают себя достаточно взрослыми, чтобы делать то, что им заблагорассудится, а здравого смысла – чуть. Она могла вляпаться в самые разные неприятности. Поверить не могу, что ты затеяла эту авантюру.

Я передала сестре соусник:

– Привет, Лу. Ты молодец, что держишь хвост пистолетом. Поздравляю, что сумела пережить этот ужасный инцидент. Мне очень приятно тебя видеть.

Трина вернула мне солонку и едва слышно сказала:

– Понимаешь, тебе с этим не справиться, так же как... – И тут ее голос затих.

– Так же как с чем?

– Со своей депрессией.

– Нет у меня никакой депрессии! – огрызнулась я. – Трина, я не в депрессии. Повторяю еще раз для дураков: я не бросалась вниз с крыши дома.

– Ты уже давным-давно сама на себя не похожа. И случилось это гораздо раньше, чем вся эта история с Уиллом.

– Ну что мне еще сделать, чтобы тебя убедить? Перекувырнуться? Я нашла работу. Хожу на физиотерапию выправить бедро и на занятия групповой психотерапии вправить себе мозги. По-моему, я очень даже неплохо справляюсь. – Я поняла, что все за столом меня внимательно слушают. – Ой, я совсем забыла самое главное. Лили была там. Она видела,

как я упала. Оказывается, это она вызвала «скорую». – (Теперь ко мне были прикованы взгляды всех членов моей семьи.) – Я... не нарочно прыгнула с крыши. Да-да. Она видела, как я упала. И вызвала «скорую»... Лили, я как раз объясняю своей сестре. Ведь ты была там, когда я упала, так? Теперь верите? Я говорила вам, что слышала девчоночий голос. Я еще не совсем сошла с ума. На самом деле она все видела. Я поскользнулась, так?

Лили, продолжая жевать, оторвала глаза от тарелки. Как только мы сели за стол, она только и делала, что уписывала еду за обе щеки.

– Угу. Она стопудово не пыталась покончить с собой.

Папа с мамой переглянулись и посмотрели на меня. Мама облегченно вздохнула, незаметно перекрестилась и улыбнулась мне. Сестра удивленно вздернула брови, что с ее стороны было равнозначно тому, чтобы принести мне свои извинения. У меня даже немного поднялось настроение.

– Угу. Она просто что-то выкрикивала в небо. – Лили театрально взмахнула вилкой. – Потому что была пьяная в стельку.

В комнате повисло неловкое молчание.

– О-о-о... – протянул папа. – Ну тогда все...

– Все хорошо, – закончила за него мама.

– Цыпленок просто объедение, – сказала Лили. – А можно еще кусочек?

Мы остались до вечера, отчасти потому, что каждый раз, как я вскакивала, чтобы распрощаться, мама впихивала в нас очередную порцию еды, а отчасти потому, что Лили болтала с моими домашними, и это каким-то образом помогало разрядить обстановку. А когда солнце стало клониться к горизонту, мы с папой уселись в садике позади дома на два шезлонга, которые каким-то чудом умудрились окончательно не сгнить за прошлую зиму. Правда, мы с папой все же решили не рисковать и без нужды лишний раз не шевелиться.

– А ты знаешь, что твоя сестра читает книгу «Женщина-евнух»^[9] и какое-то дерьмо под названием «Женская спальня» или вроде того? Она утверждает, что твоя мать – это классический пример угнетенной женщины, а тот факт, что мама с этим не согласна, – еще одно свидетельство ее угнетения. Трина пытается убедить маму, что я должен заниматься стряпней и уборкой, ну и вообще, утверждает, будто я какой-то чертов пещерный человек. Но когда я осмеливаюсь ей возразить, она начинает говорить, чтобы я «ограничил свои привилегии». Ограничил свои привилегии! А я сказал ей, что я бы с радостью, если бы знал, куда ее мать их засунула.

[Купить полную версию книги](#)

Мохаммед (Мо) Фарах – британский легкоатлет сомалийского происхождения, бегун на средние и длинные дистанции, двукратный олимпийский чемпион 2012 г. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Хопалонг Кэссиди – вымышленный ковбой, первоначально появившийся в 1904 г. как главный герой одного из рассказов американского писателя Кларенса Малфорда, который затем написал целую серию рассказов и несколько романов о данном герое.

Экспат – иностранный работник или сотрудник предприятия, работающий за границей.

«*Квадратная миля*» – так иногда называют район лондонского Сити, традиционно занимавшего площадь в одну квадратную милю к северу от Темзы между мостом Ватерлоо и Тауэрским мостом.

Батлинс – система отелей и лагерей семейного отдыха с тематическими парками развлечений.

Долли Ребекка Партон – американская кантри-певица и киноактриса. Одна из самых успешных певиц в данном жанре, получившая титул «Королева кантри».

Трилистник – символ Ирландии.

Анорексия – болезнь, основное проявление которой – отказ от пищи, связанный с изменениями в нейроэндокринной системе. Возникает чаще всего у девочек в пубертатном периоде и молодых женщин.

Книга Жермен Грир, известной британской писательницы, журналистки, ученой и телеведущей, а также знаменитой феминистки XX в. Наибольшую известность ей принесла именно книга «Женщина-евнух», где писательница излагает свои феминистские идеи.